

ДИАЛОГ

НЕЗАВИСИМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1810-228X

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ БАЛАНС СИЛ
В СТРАНАХ БАЛТИИ

РУССКИЕ В МЕЖВОЕННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ
ЛИТВЕ

ЧТО ДУМАЮТ О КИТАЙСКИХ МИГРАНТАХ
В РОССИИ И МОНГОЛИИ?

ВЫХОДЦЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СИБИРИ

2011 1

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ СЛЕДУЮЩИЙ
(2-ОЙ) НОМЕР ЖУРНАЛА ЗА 2011 ГОД ВЫПАЛ
из подписного каталога «ПРЕССА РОССИИ»

РЕДКОЛЛЕГИЯ ПРИНОСИТ ВАМ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ
и обещает выслать всем, кто возобновит
подписку на 2012 год, пропущенный номер
БЕСПЛАТНО

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР А. Р. ВЯТКИН

ДИАСПОРЫ

Н Е З А В И С И М Й Н А У Ч Н Й Ж У Р Н А Л

Журнал выходит два раза в год
Год издания тринадцатый

МОСКВА

Редакционная коллегия:*Главный редактор***А. Р. Вяткин**(Институт востоковедения
Российской академии наук)*Заместитель главного редактора***В. И. Дятлов**(Иркутский государственный
университет)*Заместитель главного редактора***Н. П. Космарская**(Институт востоковедения
Российской академии наук)**С. А. Арутюнов**(Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук)**П. Колстю**

(Университет г. Осло, Норвегия)

И. А. Мадий

(Издательство «Наталис»)

А. Ю. Милитарёв(Институт восточных культур
при Российской государственном
гуманитарном университете)**Е. Я. Сагановский**

(Институт Ближнего Востока)

В. А. Тишков(Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук)**А. М. Хазанов**(Университет Висконсина в Мэдисоне,
США)**Editorial Board:***Editor-in-Chief***Anatoly Vyatkin**(Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences)*Deputy Editor-in-Chief***Victor Dyatlov**

(Irkutsk State University)

*Deputy Editor-in-Chief***Natalya Kosmarskaya**(Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences)**Sergey Arutyunov**(Institute of Ethnology
and Anthropology,
Russian Academy of Sciences)**Anatoly Khazanov**(University of Wisconsin-
Madison, USA)**Pål Kolstø**

(University of Oslo, Norway)

Irina Madiy

(`Natalis` Publishing House)

Alexander Militaryov(Russian State
Humanitarian University,
Institute of Oriental Cultures)**Evgeniy Satanovsky**

(Institute of Near East Studies)

Valeriy Tishkov(Institute of Ethnology
and Anthropology,
Russian Academy of Sciences)

Научный редактор номера: Н. П. Космарская

Для перепечатки или перевода
опубликованных в журнале
материалов необходимо разре-
щение редакционной коллегии

Публикуемые материалы мо-
гут не отражать точку зрения
учредителей и редакционной
коллегии

СОДЕРЖАНИЕ**ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА****ДИАСПОРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ
СТРАН БАЛТИИ****Мартин Эхала, Анастасия Забродская.** Этнолингвисти-
ческая витальность этнических групп стран Балтии

6

Елена Бразускене, Алла Лихачёва. Русские в современной
Литве: языковые практики и самоидентификация

61

Мейлуте Рамонене, Кинга Гебен. Особенности языкового
поведения литовских поляков

86

Андрюс Марцинкевич. Социальная адаптация русских в
межвоенной Литве (1918—1940)

121

ДИАСПОРЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО

153

Леонид Бляхер, Николай Пегин. Представления населения
Дальнего Востока о китайских мигрантах (на рубеже
XX—XXI вв.)

154

Нямаа Галиймаа. Китайские мигранты и китаефобия в
современной Монголии

173

АЗИАТСКИЕ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

183

Павел Варнавский. Феноменология социокультурной
адаптации (на примере мигрантов из Центральной Азии
в Забайкалье)

184

Анатолий Соколов. Вьетнамцы в России: история, культу-
ра, интеграция

219

Summaries

245

Содержание журнала «Диаспоры» в 2010 году

248

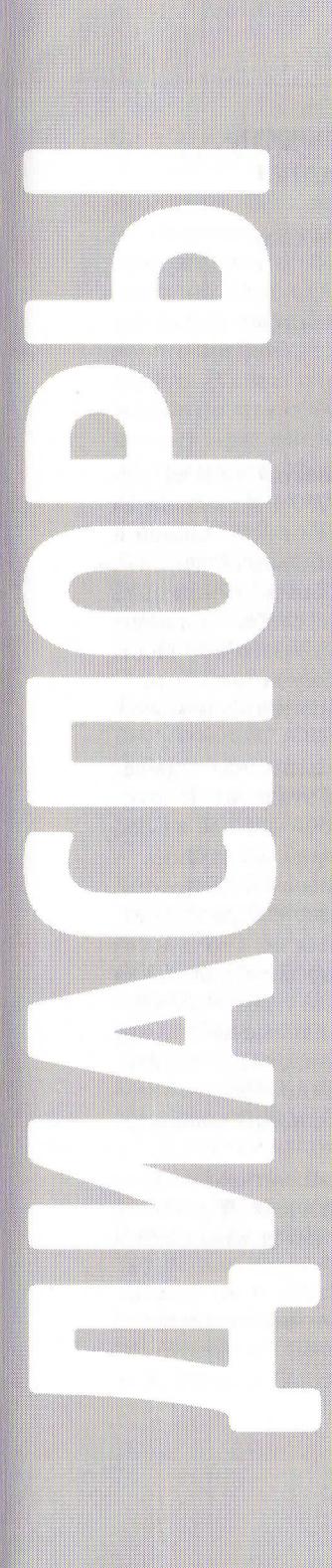
CONTENTS

MAINSTREAM

DIASPORIC LIFE OF THE BALTIc STATES

<i>Martin Ehala, Anastassia Zabrodskaja.</i> The Ethnolinguistic Vitality Amongst Ethnic Groups in the Baltics	6
<i>Elena Brazauskienė, Alla Likhachiova.</i> Russians in Contemporary Lithuania: Linguistic Practices and Self-Identification	61
<i>Meilutė Ramonienė, Kinga Geben.</i> The Specifics of Linguistic Behavior Amongst Lithuanian Poles	86
<i>Andrius Marcinkevičius.</i> Social Adaptation of Russians in Lithuania in the Interwar Period (1918–1940)	121
DIASPORAS AND THE RECEIVING SOCIETY	153
<i>Leonid Blyakher, Nikolay Pegin.</i> Perceptions of Chinese Migrants Amongst Residents of the Russian Far East	154
<i>Nyamaa Gali'maa.</i> Chinese Migrants and Anti-Chinese Sentiments in Contemporary Mongolia (an Analysis of Local Media)	173
ASIAN DIASPORAS IN RUSSIA	183
<i>Pavel Varnavsky.</i> The Phenomenology of Socio-Cultural Adaptation: Central Asian Migrants in Zabaykal'ye	184
<i>Anatoly Sokolov.</i> Vietnamese Communities in Russia: History, Culture and Integration	219
Summaries	245
Back Issues of «Diasporas», 2010	248

ДИАСПОРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СТРАН БАЛТИИ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СТРАН БАЛТИИ

Мартин Эхала, Анастасия Забродская

Введение

Понятие «этнолингвистической витальности» (далее: витальность) стали использовать в середине 1970-х гг., обозначая тем самым способность группы «вести себя отличительной и активной коллективной единицей в межгрупповом общении»¹. Чем сильнее витальность, тем выше способность группы быть отдельной коллективной единицей, а чем она слабее, тем выше опасность того, что группа перестанет существовать, а её члены ассимилируются другими группами. Поэтому витальность — это важный фактор, влияющий на сохранение языка или языковой сдвиг.

Естественно, витальность не может полностью определять перспективы сохранения языковой и этнической группы. Несомненно, что её размер и число носителей её языка, а также численность её членов на территории расселения — более важные факторы влияния на выживаемость группы. Чем меньше языковое сообщество и больше его разбросанность по территории, тем вероятнее будет для него путь ассимиляции. Витальность, как ключевой фактор для определения показателя выживаемости, следует именно за указанными параметрами. К примеру, если взять две одинаковые по размеру этнические группы, чьи показатели рассеянности по территории также одинаковы, то вероятно, что именно группа с большей витальностью продержится самостоятельным коллективом более долгий срок.

Хотя с точки зрения сохранения языка витальность не является определяющей, с позиций практической деятельности по защите языка именно она становится важнейшим

Доктор Мартин Эхала, профессор Тартуского университета (Эстония); доктор Анастасия Николаевна Забродская, старший научный сотрудник Таллинского и Тартуского университетов (Эстония).

М. Эхала, А. Забродская. Этнолингвистическая витальность...

7

фактором. Если же такие демографические показатели, как численность общины и её разбросанность по территории, сравнительно стабильны, то сущность витальности весьма динамична. При определённом стечении обстоятельств витальность группы может значительно повыситься в течение некоторого времени, тем самым предотвратив процесс языкового сдвига. В свою очередь, высокая витальность группы может начать позитивно влиять на демографические и прочие малодинамичные факторы. Одним словом, если говорить о предотвращении процесса языкового сдвига или гарантиях сохранения языка и культуры, то именно витальность будет той действующей силой, которую сможет регулировать сама национальная элита или же активные защитники языка. Высокая витальность группы не влечет автоматически сохранность языка, особенно если группа невелика, но в любом случае при высокой витальности она имеет более широкие возможности повлиять на свою судьбу, чем группа с низкой витальностью. Поэтому понимание механизмов действия витальности, обеспечивающие жизнеспособность языка и этническости, имеет большое значение.

Статья ставит своей целью проанализировать витальность крупнейших этнических групп балтийских стран. В первую очередь речь пойдёт о проживающих здесь русских; наряду с ними будет рассмотрена витальность польского меньшинства в Литве и представителей коренного населения Латвии — латгалов. Исходя из того, что витальность формируется в ходе взаимного влияния групп друг на друга, в исследование включены и основные коренные народы трёх балтийских стран — эстонцы, латыши и литовцы. Анализ этих данных помогает прояснить отношение представителей большинства к меньшинствам, что в свою очередь влияет на витальность последних².

В первой части статьи представлены теории витальности и делается акцент именно на представленной Мартином Эхалой модели измерения витальности³. Во второй части мы кратко рассмотрим такие макропоказатели балтийских этнических групп, как численность; специфика экономического, образовательного и культурного фона; социолингвистическая среда заселённых ими территорий. Третья часть знакомит читателя с методикой количественного исследования, проведённого в трёх странах Балтии в 2008—2010 гг. В четвёртой части пред-

ставлены полученные в ходе исследования результаты, которые в заключительной (пятой) части интерпретируются на основе модели измерения витальности.

1. Теории витальности

Витальность в качестве способности группы вести себя в межэтнических ситуациях отдельной активной единицей основывается в большой степени на представлениях членов группы о своей силе, а также статусе в обществе и на международной арене. Принятое в группе представление о своём положении, с одной стороны, формируется на основе проходящего в обществе обмена информацией, а с другой — на личном опыте. Каждый член группы имеет свой жизненный опыт, пользуется разными медийными каналами, поэтому нельзя утверждать, что определённое представление о положении группы принято всеми её членами одинаково — оно варьирует между её подгруппами.

Понимая и отображая события и процессы, происходящие в обществе с целенаправленной коммуникацией, можно повлиять на витальность в обоих направлениях. Этот факт хорошо известен политикам и национальным активистам, пытающимся своими действиями создать определённую картину мира, надеясь, что она увеличит или снизит витальность группы в соответствии с их политическими целями. Не все такие попытки бывают удачными, потому что принятые группой представления не так-то легко изменить, особенно если изменения ведут к основательной переоценке. Результативность таких действий зависит и от уровня понимания социально-психологических факторов, сильнее всего влияющих на витальность.

Витальность изучают уже более 30 лет, наиболее активно — в конце 1970-х — начале 1980-х гг.. Затем интерес к данной теме снизился, прежде всего из-за потока критики, обрушившегося на теоретические концепции. Начиная с середины 1990-х гг. научная работа в данной области активизировалась: по данным поиска Google Scholar, в 1995 г. вышло 20 новых публикаций на тему витальности, а в 2009 г. — уже 144.

Теория витальности основывается на теории социальной идентичности⁴, в соответствии с которой люди стремятся к позитивной идентичности. Социальная идентичность — это са-

моощущение члена какой-либо социальной группы или групп по отношению к общегрупповым ценностям или эмоциональным связям с данной группой⁵. Легче достичь и поддержать позитивную социальную идентичность тем людям, которые принадлежат к мощным высокопrestижным группам. Как правило, у меньшинств редко бывает власть и престиж, поэтому их членам труднее достичь позитивной социальной идентичности. Теоретически именно желание добиться позитивной социальной идентичности является важнейшим фактором, который заставляет представителей меньшинств менять идентичность и ассимилироваться⁶.

При этом следует учитывать, что смена идентичности возможна в том обществе, где границы между этническими группами относительно проницаемы; тем самым возникает шанс перейти из одной группы в другую. В обществах, где эти границы жёсткие, у членов меньшинств нет возможности, посредством смены идентичности и языка, улучшить свой статус и имидж, потому что их просто не примут в группу с более высоким статусом. В таких обществах меньшинствам ничего не остается, как, требуя для себя больших прав и признания в национальной структуре, попробовать поднять статус своей группы⁷.

Г. Джайлс, Р. Бурхис и Д. Тейлор⁸ утверждают, что выбор коллективной или индивидуальной стратегии членами меньшинства в целях улучшения своего имиджа (например, при смене идентичности) зависит от того, какой они видят альтернативу уже сложившейся расстановке сил между этническими группами. Если альтернатива есть, то они могут предпочесть коллективные стратегии, особенно если процесс смены идентичности не является лёгким. В случае, когда каких-либо когнитивных альтернатив не предвидится, решением становится смена идентичности и языка или, если это невозможно из-за резких границ между группами, меньшинство готово просто примириться с низким социальным статусом и стигматизированной идентичностью.

В традиционных моделях обычно предполагается, что витальность группы напрямую зависит от ощущаемой ею силы, т. е. от того, насколько высокими оценивают члены группы свои демографические, экономические и культурные способности, свою представленность в масс-медиа и свой имидж в обществе⁹. Однако многочисленные исследования показы-

вают, что самоощущения группы нередко недооценивают реальную витальность этничности¹⁰. М. Эхала¹¹ утверждает, что недостатки классических моделей вытекают из того, что само понятие недостаточно определено и потому отсутствует адекватное понимание факторов, влияющих на витальность.

Прежде всего следует учитывать, что наряду с самоощущением группы есть и другие социально-психологические факторы, также влияющие на витальность. Исходя из вышесказанного, М. Эхала¹² разработал обновлённую модель витальности, которая основывается на взаимовлиянии четырёх факторов — 1) межэтническое соотношение сил; 2) межэтнический диссонанс; 3) утилитаризм и 4) межэтническая дистанция. Исследование, положенное в основу статьи, проведено на базе именно этой модели. Перейдём к краткому описанию всех составляющих модели и их совместного влияния.

1.1. Ощущаемый сравнительный этнический потенциал

Ощущаемый сравнительный этнический потенциал (**PSD** — *perceived strength differential*) выражает оценку членами этнической группы своей силы ($S_{\text{мы}}$) в сравнении с силой другой группы ($S_{\text{они}}$). Это представление формируется из трёх больших показателей: 1) экономический, социальный и культурный статус группы; 2) демографическая мощность (численность и прирост населения, эмиграция и пр.) и 3) сила социальных институтов¹³. Попытка определить величину этого коэффициента основана на том социально-психологическом факте, что человек нуждается в позитивной самооценке и пытается достичь её через принадлежность к группе¹⁴. Если группа, к которой человек принадлежит, ему этого не позволяет (если её социокультурный статус низок по сравнению с какой-либо другой группой), то человек начинает искать возможность изменить свою групповую принадлежность. Когда такая позиция становится преобладающей, снижается готовность к коллективному действию, т. е. снижается витальность. Позитивный результат сравнения влияет на витальность позитивно.

Следовательно, можно описать связь между ощущаемой разницей межэтнического соотношения сил и витальностью в виде формулы:

$$V = PSD = S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}$$

Если значение $S_{\text{мы}}$ ниже значения $S_{\text{они}}$, то $V < 0$. Это означает, что в социальной среде группа ощущает себя слабой. Такое восприятие указывает на низкую витальность тем больше, чем отрицательнее значение V . Если $V = 0$, то группы ощущают себя как равные; если же $V > 0$, то свою группу воспринимают сильнее другой. Два последних состояния указывают на сильную витальность.

Ощущаемый сравнительный этнический потенциал по своей сущности когнитивен и эмоционально нейтрален, т. е. должен отражать действующие различия реалистично. При помощи коммуникации, естественно, можно повлиять на этот потенциал так, что результат будет положительным или отрицательным. В свою очередь, экстремальные результаты сравнения могут породить коллективные эмоции, например, сверхположительную оценку, что может привести к чувству превосходства, а сверхнизкая коллективная самооценка может стать причиной чувства неполнопоченности. Если первый вариант способен мобилизовать группу, то последний — стимулировать коллективную ассимиляцию, т. е. паническое стремление сменить свою этническую принадлежность¹⁵.

1.2. Ощущаемый межэтнический диссонанс

Ощущаемый межэтнический диссонанс (**D** — *perceived interethnic discordance*) выражает оценку членами группы легитимности и доверительности межэтнических отношений¹⁶. Чем более легитимными видятся отношения между двумя группами, т. е. возможное доминирование и взаимовлияние, тем ниже уровень межэтнического диссонанса. Отношения между двумя суверенными группами должны казаться их членам легитимными, если им не мешают территориальные или другие споры. В границах одной страны легитимность отношений между большинством и меньшинством зависит от того, воспринимается ли справедливым соотношение прав и привилегий групп.

Кроме легитимности, на межэтнический диссонанс влияет и межгрупповая доверительность, которая сильно зависит от исторического опыта и существующих отношений. И в легитимной ситуации уровень взаимного недоверия, даже ненависти, может быть высоким из-за событий прошлого. Степень

взаимного доверия и уровень легитимности находятся между собой в определённом соотношении — чем более доверительны межгрупповые отношения, тем более легитимными они воспринимаются¹⁷.

Высокий уровень межэтнического диссонанса поднимает витальность группы, потому что делает процесс смены идентичности для её членов психологически затруднённым. Например, членам группы меньшинства трудно влиться в большинство, если они чувствуют несправедливость по отношению к себе и не доверяют полностью членам большинства. Низкий уровень диссонанса — когда меньшинство воспринимает свой низкий статус легитимным и относится с доверием к большинству — способствует смене идентичности. Таким образом, влияние диссонанса на витальность можно выразить в виде соотношения:

$$V = (S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}) + D$$

Чем выше значение **D**, тем выше витальность, или значение **V**. Даже если ощущаемый сравнительный этнический потенциал будет иметь отрицательное значение, высокое значение **D** может изменить значение **V** на положительное, что указывает на высокую витальность.

Вместе ощущаемый сравнительный этнический потенциал и межэтнический диссонанс показывают, насколько стабильной воспринимает группа межэтническую ситуацию в обществе¹⁸. Стабильной она видится тогда, когда меньшинство воспринимает себя значительно более слабым по сравнению с большинством и одновременно оценивает эту ситуацию вполне легитимной, а отношения с большинством — как доверительные — одним словом, если **V** значительно ниже нуля. Чем выше значение **V** у меньшинства, тем более нестабильной его члены оценивают ситуацию: они видят себя относительно более сильными, чем группа большинства, и в то же время чувствуют несправедливость данного положения и не доверяют большинству. Это мотивирует членов меньшинства на коллективные действия, потому что они чувствуют и свою силу, и мотивацию для действий (ощущаемая несправедливость).

1.3. Утилитаризм

Третий фактор, значительно влияющий на витальность, показывает, как высоко члены группы ценят свою культуру,

язык и традиции и насколько важной находят их передачу из поколения в поколение¹⁹. Есть этнические группы, члены которых считают свои культурные практики и язык настолько святыми, что отказываются от всяческих новшеств — таковы многочисленные религиозные сообщества, например, амиши в США или русские староверы. Это группы с сильно выраженным традиционализмом (**Tr**).

Противоположностью традиционному является утилитарное поведение (**Ut**). Люди с утилитарной оценкой мира при принятии решений отталкиваются от личных экономических выгод и целесообразности. По большей части это означает открытость к изменениям и малую заинтересованность в следовании традициям. Если члены слабой группы очень утилитарны, они менее готовы к действиям во имя групповых целей и более склонны к смене идентичности, чем члены группы с высокой оценкой традиций²⁰.

С точки зрения витальности особенно важным является соотношение традиционных и утилитарных настроений среди членов самой группы. Это показывает индекс утилитаризма (**U**, *index of utilitarianism*), который вычисляют как разницу утилитаризма и традиционализма: $U = Ut - Tr$. Эмпирические исследования показывают, что **Ut** и **Tr** не находятся в корреляции между собой. Это означает, что в обществе есть и такие люди, в чьей картине мира утилитарные и традиционные ценности находятся в равновесии.

Индекс **U** можно включить в наше равенство следующим образом:

$$V = U \cdot ((S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}) + D)$$

В настоящем исследовании шкала индекса **U** имеет диапазон от 0 ... 2. Если величина **U** равна 0, то мы имеем дело с абсолютно традиционной группой, которая ни за что не откажется от своих культурных традиций. Такой настрой делает какую-то либо ассимиляцию практически невозможной, т. е. группа остается витальной благодаря своему традиционализму. Если оставшиеся части равенства умножить на ноль, то **V = 0**, что и означает стабильное состояние. Если величина **U = 1**, это значит, что в обществе утилитарные и традиционные ценности находятся в равновесии. Так как единица, помноженная на формулу, не меняет её значение, **V** формируется под влиянием других факторов. Если **U** больше единицы, то умножение на **U** станет уменьшать величину **V**.

1.4. Межэтническая дистанция

Г. Таджфел и Дж. Тёрнер²¹ утверждают, что поведение группы можно изобразить в виде оси, в одном конце которой социальная мобильность, а в другом — социальное изменение. Если люди видят, что среда предоставляет хорошие возможности улучшить жизненный уровень и достичь своих целей путём индивидуальных усилий, они выбирают стратегию социальной мобильности: стараются сделать карьеру и вскарабкаться вверх по социальной лестнице, чему часто способствует слияние с доминирующей группой.

Если же общество таково, что социальной мобильности в нём препятствуют резкие межклассовые, кастовые, расовые, этнические или языковые границы, то коллективные действия остаются единственной надеждой повысить жизненный уровень. В случае межэтнического конфликта эта дилемма сводится к вопросу, полезно ли для поднятия своего статуса сменить идентичность, т. е. ассимилироваться в группу с более высоким статусом, или же лучше вместе бороться за повышение статуса группы и своего жизненного уровня. Выбор индивидуальной или коллективной тактики зависит, в числе прочих факторов, и от межэтнической дистанции.

Межэтническая дистанция R образуется как сумма расовых, этнических, языковых и культурных различий. Чем выше различия между двумя группами, тем сложнее применять стратегию социальной мобильности для улучшения жизненного уровня: несмотря на все усилия, невозможно будет скрывать свою происхождение, и это неизбежно будет тормозить смену идентичности. Получается, что чем больше дистанция, тем выше мотивация к коллективным действиям²². Если две группы воспринимаются скорее похожими, чем различными между собой, то смена идентичности проходит сравнительно легко и даже незаметно, поэтому люди предпочтут стратегию социальной мобильности рискам, связанным со стратегией социального изменения. R интегрируется в формулу следующим образом:

$$V = U ((S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}) + D) / R$$

Значение R может меняться в промежутке 1 ... 2. А потому минимальная дистанция ($R = 1$), т. е. ситуация, когда смене групповой идентичности не препятствуют культурные, языковые и расовые различия, не повлияет на значение V : де-

ление на один не меняет результат. В случае максимальной дистанции ($R = 2$) витальность повышается: при делении отрицательных чисел сумма начинает приближаться к нулю.

1.5. Витальность группы большинства

Представленная выше модель V подходит для измерения витальности меньшинства в том случае, если ощущаемый сравнительный этнический потенциал имеет отрицательное значение ($PSD < 0$). У групп большинства, как правило, $PSD > 0$. Тогда в формуле следует поменять местами U и R , чтобы их влияние на значение V было бы в соответствии с их влиянием на витальность. Ведь высокое значение U уменьшает витальность, потому что люди, имеющие склонность к утилитарным ценностям, исходят, прежде всего, из личной выгоды, а не из общих интересов группы. Чтобы высокое U уменьшало позитивное значение PSD , PSD следует делить на U , а не умножать. С межэтнической дистанцией R всё наоборот: чем выше значение R , тем с более закрытой и эгоцентричной группой мы сталкиваемся, т. е. высокое значение R увеличивает витальность. Если значение PSD выше нуля, то его следует умножать на R , чтобы в итоге всё это увеличило витальность.

Итак, для группы большинства формула будет такой:

$$V = R ((S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}) + D) / U$$

Это означает, что чем сильнее группа большинства ощущает свою межэтническую дистанцию R , тем выше значение V ; чем выше утилитаризм, тем ниже значение V . Значение V у группы большинства прямо влияет на межэтнические отношения в обществе, и в немалой степени — на процесс аккультурации меньшинств. Мы рассмотрим эти взаимоотношения более подробно в части 5 «Интерпретация результатов».

Чтобы представленные в модели витальности гипотезы можно было проверить, а от самой модели была бы практическая польза при оценке межэтнических отношений, все теоретические составляющие должны быть измеримы. На этом вопросе остановимся в третьей части статьи, но прежде ознакомим читателя с социолингвистической ситуацией и элементами так называемой объективной витальности этнических меньшинств балтийских стран.

2. Социолингвистическая ситуация в Балтии

Следует отметить, что уже во времена первой независимости Эстония, Латвия и Литва были относительно поликультурны и многоязычны (см. табл. 1).

Таблица 1

Состав населения

Эстонии в 1934 г.		Латвии в 1935 г.		Литвы в 1923 г.	
Эстонцы (992 520)	88,1%	Латыши (1 905 900)	77,0%	Литовцы (1 701 900)	84,2%
Русские	8,2%	Русские	8,8%	Русские	2,5%
Немцы	1,5%	Немцы	3,3%	Поляки	3,3%
Евреи	0,4%	Евреи	4,9%	Евреи	7,6%

Источник: по данным переписей населения.

В Эстонии существовало понятие «*kolm kohalikku keelt*» («три местных языка»), которое подразумевало использование эстонского, русского и немецкого в повседневном общении. Конечно же, это не значило, что поголовно все жители Эстонии знали три языка; трёхъязычие было скорее функциональным, т. е. сводилось к пониманию и умению говорить в какой-нибудь определённой, часто узкой области, но оно давало преимущество тем, чья работа предполагало частое общение. Это иллюстрируют и объявления о поиске работы и работников: «Нужна девушка, знающая три местных языка и умеющая печатать на машинке»; «Вежливый, здоровый молодой человек, знающий три местных языка, нуждается в какой-либо службе»; «Женщина ищет какую-нибудь работу, знает три местных языка»²³.

В советское время русскоязычные жители Эстонии, Латвии и Литвы в большинстве своём оставались одноязычными и не ассимилировались титульными нациями. В 1990 г. была *de facto* восстановлена независимость Литовской Республики, а в 1991 г. — Эстонской и Латвийской Республик. Единственными государственными языками стали в них языки титульных наций. В результате уровень владения государственным языком среди русскоязычных поднялся с 37,5% в 1989 г. до 66% в 2001 г. в Лит-

ве, с 14% в 1989 г. до 44,5% в 2000 г. в Эстонии, с 22,2% в 1989 г. до 50% в 2000 г. в Латвии²⁴. Хотя данные переписей отражают скорее субъективную точку зрения информанта об его умении владеть государственным языком, они всё же дают и весьма близкое к реальности представление об языковой ситуации.

2.1. Общая характеристика этнических групп Балтии

Витальность представляет собой сложную комбинацию установок, которые хоть и отражают витальность, но всё-таки не всегда объективно. Далее мы представим краткий обзор демографических, культурных и экономических характеристик народов балтийских стран — для контекстуализации результатов исследования.

Жизнеспособность этнических групп будет оцениваться по объективным параметрам. Что касается демографии, приведены абсолютные значения, доля группы в населении и её разбросанность по территории. Культурные показатели включают наличие образования и его масштаб, СМИ на родном языке и их разнообразие, а также разнообразие местной культурной жизни и её общий уровень. Экономический контекст описывается через оценки уровня благосостояния членов группы, устойчивость этнической экономики и политической организованности группы.

2.1.1. Эстония

В 2010 г. население Эстонии составляло 1340 тыс. человек. В нашем исследовании участвовали и эстонцы, и русскоязычные. Хотя в число последних входят наряду с русскими и представители многих других национальностей, с точки зрения наших целей целесообразнее их не разделять (и их доля в населении страны крайне мала: если русских 26%, то украинцев 2%, белорусов 1%). Для большей наглядности сравнение представлено в виде табл. 2, за которой следует небольшое резюме.

Подводя итоги, можно сказать, что доля русскоязычных в населении Эстонии значительна, и живут они очень компактно — всего 20% рассеяны по эстоноязычным районам. В то же время в Ида-Вирумаа, где плотность русскоязычного населения крайне высока, живёт лишь треть русскоязычных, однако этот регион экономически слабее, чем в среднем по стране. Хотя

существует основное образование на русском языке (отметим, что сейчас активно идет перевод гимназий с русским языком на частичное обучение на эстонском языке), местная культурная жизнь не идёт ни в какое сравнение с Россией. Итак, несмотря на то, что демографические показатели русскоязычной общины довольно хорошие, именно экономическая слабость не позволяет ей быть культурно и политически активной.

Таблица 2

Общая характеристика двух крупных этнических групп Эстонии

	Эстонцы	Русские (русскоязычные)
Численность	922 тыс. человек	397 тыс. человек
Доля	69%	29%
Географическое распределение	2% живёт в Ида-Вирумаа, 215 тыс. (23%) — в Таллине, 75% на остальной территории Эстонии с высокой этнической плотностью	130 тыс. (33%) в Ида-Вирумаа с высокой этнической плотностью, 185 тыс. (47%) проживает в Таллине, оставшиеся 20% — на остальной территории
Образование	Образование на родном языке на всех ступенях и во всех областях на высоком уровне	На родном языке основное образование и частично среднее, высшее образование лишь по немногим специальностям
СМИ	Богатый выбор печатных, электронных и аудиовизуальных СМИ на родном языке	Выбор местных печатных, электронных и аудиовизуальных СМИ на родном языке скручен, однако доступны многие российские источники
Культурная жизнь	Широкая и богатая культурная жизнь	Местная культурная жизнь на родном языке весьма ограничена
Материальный достаток	Более высокие доходы по сравнению со средней зарплатой по стране	Более низкие доходы по сравнению со средней зарплатой по стране
Экономическая роль	В экономике Эстонии решающая	В экономике Эстонии скромная, за исключением Ида-Вирумаа
Политическая зрелость	Политически хорошо организованы	Политически организованы слабо

2.1.2. Латвия

Таблица 3

Общая характеристика крупнейших этнических групп Латвии

	Латыши (совместно с латгальскими латышами)	Русские	Латгальские латыши
Численность	1335 тыс. человек	818 тыс. человек	150 тыс. человек
Доля	59%	36%	7%
Географическое распределение	В Риге в меньшинстве (42%), также в Даугавпилсе (15%) и Резекне (45%); преобладают в малых городах и сельской местности	Русскоязычная община доминирует в двух крупнейших городах Латвии: 387 тыс., или 47%, живёт в Риге (55% го городского населения), 88 тыс. (11%) живёт в Даугавпилсе (85% городского населения)	Около 60 тыс. живёт в Латгалском р-не (40% его населения). Остальные расселяны по другим частям Латвии
Образование	Образование на родном языке на всех ступенях и во всех областях на высоком уровне	На родном языке начальное образование и частично среднее; высшее образование по многим специальностям	Образование на родном языке практически отсутствует; латгальский препод даётся как отдельный предмет в 7 школах Латгалии
СМИ	Богатый выбор печатной, электронной и аудиовизуальной продукции на родном языке	Хороший выбор печатной, электронной и аудиовизуальной продукции на родном языке. Медиа-каналы из России	Всего одна газета и полуважная радиопередача раз в неделю
Культурная жизнь	Широкая и богатая культурная жизнь	Местная культурная жизнь на родном языке значима	Проводятся мероприятия и богослужения
Материальный достаток	Средний	Выше среднего	Ниже среднего
Экономическая роль	Средняя	Значительная	Ниже средней
Политическая зрелость	Политически хорошо организованы	Политически хорошо организованы	Узкий круг активистов

По состоянию на 2007 г. население Латвии составляло 2281 тыс. человек. Проводя сравнение между крупнейшими этническими группами Латвии (см. табл. 3)²⁵, мы рассматриваем латышей и латгальских латышей как единый народ. Во-первых, это сделано для более адекватного сравнения. Во-вторых, сами латгальские латыши позиционируют себя прежде всего как латыши. Доля латгальских латышей вычислена по отношению к остальному населению, поэтому сложенные вместе проценты не равняются 100%. Итак, идентичность латгальских латышей является субидентичностью латышской идентичности, т. е. региональной латышской идентичностью, поэтому логично рассматривать обе группы вместе. В то же время сами латгальские латыши всё-таки хотят отличаться от остальных латышей. Поэтому, вычисляя витальность, мы рассматриваем обе группы отдельно.

Русскоязычное сообщество Латвии многочисленно по абсолютным числам, составляет более трети населения Латвии и доминирует в столице и крупнейших городах. К тому же русскоязычные Латвии довольно активны экономически, и их жизненный уровень выше среднего. Всё это поддерживает и хорошая культурная и политическая организованность. Учитывая все эти показатели, можно утверждать, что в лице русскоязычной общины мы имеем дело с сильной группой, которая по своему размеру и мощности лишь немного проигрывает латышам. Латыши численно преобладают, но большинство их проживает в сельских районах и они экономически слабее, чем ведущие городской образ жизни русскоязычные. Данное соотношение сил позволяет русскому меньшинству усилить своё присутствие в государственной политике. Латгальские латыши — относительно малочисленное сообщество, к тому же они рассеяны по всей территории страны, будучи в меньшинстве даже на своей исторической родине. Культурная и экономическая роль латгальских латышей очень скромная. Объективные показатели показывают, что их язык находится под довольно большой угрозой. Культурная же идентичность латгальских латышей сильнее, т. к. она связана с католической церковью.

2.1.3. Литва

По некоторым оценкам, население Литвы составляет 3336 тыс. человек, однако из-за эмиграции может оказаться и несколько меньше (см. табл. 4)²⁶.

Таблица 4

Общая характеристика крупнейших этнических групп Литвы

	Литовцы	Русские	Поляки
Численность	2835 тыс. человек	267 тыс. человек	233 тыс. человек
доля	85%	8%	7%
Географическое распространение	Литовцы преобладают на большей части страны, за исключением юго-востока и юга (где их 40%). В Вильнюсе литовцев 59%	Около 108 тыс. человек, или 40% русскоговорящего сообщества, живёт в Вильнюсе, где они составляют 20% городского населения. В Висагинасе живёт 23 тыс. русских, (75% городского населения)	Более половины поляков живёт в сельской местности. В окрестностях Вильнюса их 61%, а в Шальчининкайском районе 78%. В Вильнюсе живёт около 100 тыс. поляков, они составляют 19% его населения
Образование	Образование на родном языке на всех ступенях и во всех областях на высоком уровне	Хотя общее образование на родном языке доступно, родители предпочитают школы с литовским языком обучения	Общее образование на родном языке гарантировано. Ограниченный доступ к высшему образованию на родном языке
СМИ	Богатый выбор печатной, электронной и аудиовизуальной информации на родном языке	Печатные СМИ и радиопрограммы на родном языке; широко доступны российские телеканалы	Печатные СМИ и радиопрограммы на родном языке; доступны польские телеканалы
Культурная жизнь	Широкая и богатая культурная жизнь	Местная культурная жизнь на родном языке с ограниченным выбором	Местная культурная жизнь на родном языке с ограниченным выбором
Материальный достаток	Средний	Ниже среднего	Ниже среднего
Экономическая роль	Значительная	Ниже средней	Ниже средней
Политическая зрелость	Политически хорошо организованы	Политически неорганизованы	Политически организованы

По этническому составу Литва является наиболее однородной из всех балтийских стран: доля титульной нации очень велика, и ни одно меньшинство не преодолевает 10-процент-

ного барьера. Это, впрочем, нехарактерно для юго-восточной и южной Литвы, в том числе и для столицы, которая довольно мультинациональна. Сельские районы в окрестностях Вильнюса заселены польскоязычным населением, которое значительно по величине и проживает довольно компактно, что способствует устойчивости этой группы. Русскоязычное же сообщество, напротив, сильно рассеяно; большая его часть проживает в Вильнюсе, составляя одну пятую его жителей. Хотя русскоязычные СМИ широко доступны в Литве, да и школы с русским языком обучения существуют, большинство русскоязычных предпочитает всё же литовские школы и культурную жизнь. Политическая организованность русских очень слаба в отличие от поляков, с их высокой политической и культурной сплоченностью.

В заключение можно сказать, что титульные народности стран Балтии этнолингвистически устойчивы, некоторые трудности с культурным и политическим доминированием испытывают латыши. Из русскоязычных сообществ наиболее крупное проживает в Латвии и имеет значительное культурное, экономическое и языковое влияние в стране. Второе по размеру русскоязычное сообщество находится в Эстонии, но оно и экономически, и политически намного слабее латвийского. В то же время оно довольно компактно расселено, что и обеспечивает его устойчивость. Русскоязычных в Литве в разы меньше, они более рассеяны по стране, оттого значительно слабее эстонских «русских». Учитывая исторические корни и компактное проживание поляков в Вильнюсе и его окрестностях, польское сообщество Литвы можно считать сильнее тамошнего русского, хоть оно меньше последнего по численности. Последнее обстоятельство компенсируется высоким уровнем политической и культурной самоорганизации. Из рассмотренных балтийских меньшинств слабейшим, несомненно, являются латгальские латыши, ведь это маленький, разбросанный по стране и полностью двуязычный народ.

3. Методология исследования

3.1. Измерение витальности

Хотя понятие витальности довольно хорошо понимается на интуитивном уровне, исследования в данной области не при-

вели к созданию широко принятой единой техники измерения витальности. Причины этому различны.

Первичные проблемы возникают, конечно же, из-за того, что социальные явления крайне разнообразны и трудно измеримы. Несомненно, на витальность групп влияют различные экономические, демографические, историко-культурные и политические факторы. В то же время отсутствует какой-либо надёжный метод измерения экономической, культурной, политической и демографической силы той или иной группы. Эти обстоятельства можно описать крайне детально, но очень трудно выразить результаты исследования в сопоставимом виде. Поэтому сложно проверить валидность моделей в разных языковых средах.

Вторая методологическая проблема вытекает из того, что объективные факторы влияют на витальность группы и её ассимиляцию не прямо, но только косвенно, и не всегда это влияние поддаётся однозначной интерпретации. Причина в том, что, строго говоря, явление языкового сдвига происходит не на уровне группы, а на уровне индивида. То, на каком языке кто-то говорит со своими детьми, на каком языке даёт им образование, зависит прежде всего от убеждений этого индивида и принятых на их основе решений, а не от экономической, культурной и прочих сил группы как целого. Учитывая то, что языковой сдвиг — результат языкового поведения отдельных людей, то не столь важно, какова объективная витальность группы — важно индивидуальное мнение членов группы об её жизнеспособности. Это мнение формируется в результате общения и выражается в позиции индивида.

Поэтому витальность группы целесообразно измерять прежде всего через измерение позиций и убеждений членов группы. Такая методика отталкивается от предположения, что если членам группы кажется, что их группа бесперспективна, то они ведут себя одинаково, т. е. меняют язык — вне зависимости от того, какова величина группы, статус и другие объективные критерии. Естественно, что и у восприятия связь с поведением косвенная²⁷, однако проведённые в течение 100 лет исследования социальных психологов дали нам намного более надёжное представление об этой связи, чем если бы мы говорили о влиянии объективных факторов на поведение группы. Итак, используя методики, разработанные в области изучения установок, можно получить данные от том, будет ли тот или иной

индивиду склоняться к индивидуальным или коллективным действиям для достижения позитивной идентичности.

Измерение субъективных оценок и отношений позволяет создать инструмент, при помощи которого можно собрать легко сопоставимые данные в очень разных социальных средах. Какими разными ни были бы социальные и культурные особенности разных сред, отношение людей к тому или иному событию умещается в интервале от «непереносимого» до «превосходного». И независимо от того, что явилось причиной для той или другой оценки, можно всё-таки считать, что в разных обществах у одинаковой оценки одинаковое влияние на поведенческую предрасположенность человека: чем более бесперспективными видятся надежды на успех коллективного поведения, тем выше вероятность смены идентичности и языкового сдвига. Предложенная в предыдущей части модель витальности считается с такими методологическими особенностями: все влияющие на неё факторы отражают ощущаемые ценности, поэтому все они хорошо сопоставимы по общечеловеческой шкале восприятия независимо от того, с какой из социальных сред мы имеем дело. В то же время эти факторы учитывают и конкретный социальный контекст — ощущаемый сравнительный этнический потенциал, диссонанс и дистанция показывают восприятие конкретной группы, но представляют всё по общечеловеческой шкале оценивания.

Основной методологической задачей является выстраивание установок респондентов таким образом, чтобы их можно было легко выразить в рамках единой обобщённой шкалы и в удобной математической форме для вычисления индекса витальности V . Раз данная модель предполагает, что языковой сдвиг и смена идентичности являются результатом индивидуального поведения, то важно собрать профили установок представителей различных подгрупп, что, в свою очередь, предполагает количественный подход.

Одним из лучших методов исследования, отвечающим на заданные первичные условия, является применяющий шкалу Ликерта опросник с несколькими вариантами ответа²⁸. Такой подход был использован и в классических исследованиях субъективной витальности²⁹. Для уменьшения возможных погрешностей из-за формулировок отдельных вопросов, для измерения каждой составляющей модели решено было использовать тематическую группу из десяти вопросов. Надёжность такой

группы можно проверить при помощи статистических методов, что, в свою очередь, усиливает надёжность теоретических положений, обусловивших формулировку вопросов. Одним словом, если вопросы, чье содержание отражает заложенные в них концепции, показывают высокую корреляцию между собой, то можно с уверенностью утверждать: взаимозависимость вытекает из того обстоятельства, что все эти вопросы выражают отношения человека к более общему явлению, лежащему в основе самих вопросов.

Группы вопросов, отображающих различные компоненты модели, созданы следующим образом. Переменные $S_{\text{мы}}$ и $S_{\text{они}}$ измеряли при помощи изначально состоящего из 26 вопросов классического опросника по теме субъективной витальности³⁰, из которого выбрали 20 вопросов, т. е. по десять для каждой переменной. Для измерения межэтнического диссонанса создали оригинальный блок из десяти вопросов, из которых четыре касались легитимности межэтнических отношений, а шесть — степени доверия по отношению к внешней группе³¹. Для измерения утилитаризма использован оригинальный, разработанный и протестированный специально для данного исследования блок из десяти вопросов, из которых шесть концентрировались на утилитаризме, а четыре — на традиционализме³².

Межэтническую дистанцию измеряли содержащим 20 вопросов опросником, делящимся на две тематические группы. Блок R_1 состоял из десяти вопросов, измеряющих сеть языковых контактов респондента³³. Она показывает расположение языкового поведения человека на двух одноязычных осях родного и иностранного языка. Блок R_2 состоял также из десяти вопросов и отражал восприятие человеком культурных, религиозных, расовых и поведенческих различий между своей и внешней группой³⁴.

Представленная выше модель витальности является теоретической гипотезой, нуждающейся в проверке эмпирическими методами и при необходимости в доработке и модификации. В то же время и в своём настоящем гипотетическом состоянии модель позволяет собрать важный и хорошо сопоставимый материал о разных меньшинствах в разных обществах. Прекрасную возможность как для тестирования теоретической модели, так и для сравнительного анализа представляют страны Балтии. Ведь они схожи по одним важным показателям, но в же время

чётко различимы по другим: во всех странах проживают имеющие общее советское происхождение русские меньшинства, формирование идентичности которых началось одновременно после раз渲ала СССР³⁵. Из-за схожего исторического опыта формирование идентичности титульных наций идёт также параллельно, начиная с периода восстановления независимости, хоть и с рядом национальных особенностей³⁶. В то же время между странами Балтии есть и значительные различия, которые, конечно же, влияют на витальность этнических групп, образующих их общества — будь то относительная численность меньшинств или культурные и религиозные практики³⁷.

О социокультурных особенностях и специфике национальных отношений в странах Балтии написаны как достаточно фундаментальные³⁸, так и сравнительные работы³⁹. Это создаёт прекрасную базу для проверки надёжности представленной М. Эхала модели витальности⁴⁰. В то же время наше сравнительное исследование даёт до сих пор неиспользованную возможность проанализировать идентичность меньшинств стран региона в динамике, в контексте происходящих ныне социальных процессов и ассимиляции, причём на основе единой и строгой методологии, которая в случае успеха даст более точные и систематизированные данные, чем полученные ранее.

3.2. Составление выборки

Для проведения анонимного письменного опроса была скомпонована выборка в зависимости от зон проживания возможных информантов.

В Эстонии выборка состояла из 460 русскоязычных и 538 эстонцев, отобранных профессиональным агентством по сбору статистических данных в пяти разных социолингвистических регионах (см. табл. 5) и имеющих различные социально-демографические характеристики (возраст, образование, социальный статус, знание государственного языка и т. д.).

В Литве выборка состояла из 230 русскоязычных, 270 поляков и 400 литовцев, отобранных профессиональным агентством по сбору статистических данных в пяти разных социолингвистических регионах (см. табл. 6) и имеющих различные социально-демографические характеристики (возраст, образование, социальный статус, знание государственного языка и т. д.).

Таблица 5

Метод составления выборки в Эстонии

Региональная концентрация социолингвистических общин	Доля русскоязычных в населении, %	Количество русскоязычных респондентов	Количество эстоноязычных респондентов
Сельские поселения	1—10	50	147
Города и небольшие поселения	10—20	70	132
Западный Таллин	30—50	70	126
Города Харьюмаа и русскоязычные районы Таллина (Ласнамяэ)	50—80	120	82
Города Ида-Вирумаа	80—100	150	51

Таблица 6

Метод составления выборки в Литве

Региональная концентрация социолингвистических общин	Доля русско- и польскоязычных в населении, %	Количество русскоязычных респондентов	Количество литовцев среди респондентов	Количество поляков среди респондентов
Вильнюс	18,7 — поляки, 13,9 — русские	60	110	130
Вильнюсский район	61,3 — поляки, 8,4 — русские		50	140
Висагинас	55,68 — русские (белорусов 10,29, а украинцев 5,69) 9,13 — поляки	50	50	
Клайпеда	28,2 — русские 4,8 — поляки	60	80	
Каunas	4,4 — русские 0,4 — поляки	60	110	

В Латвии выборка состояла из 406 русскоязычных, 419 латышей и 200 латгальских латышей, отобранных профессио-

нальным агентством по сбору статистических данных в пяти разных социолингвистических регионах (см. табл. 7) и имеющих различные социально-демографические характеристики (возраст, образование, социальный статус, знание государственного языка и т. д.).

Таблица 7

Метод составления выборки в Латвии

Региональная концентрация социолингвистических общин	Доля этнических групп в населении, в %	Количество русскоязычных респондентов	Количество латышей среди респондентов	Количество латгалов среди респондентов
г. Даугавпилс	85% русскоязычных	98	53	0
г. Рига (Pierīga более латышская)	50% русскоязычных	152	150	0
г. Резекне	45% латышей + латгальских латышей 55% русскоязычных	50	50	100
г. Балви	78% латышей + латгальских латышей	3	48	100
г. Цесис	90% латышей	51	50	0
Сельские районы	90% латышей (Валмиерский, Мадонский, Цесисский)	52	68	0

Данные обрабатывались при помощи программы SPSS 14.0 (*Statistical Package for the Social Sciences*).

4. Результаты исследования

В этой части статьи результаты представлены прежде всего по каждому фактору (PSD, D, U и R) теоретической модели витальности в отдельности, затем приведены результаты комби-

нирования факторов для измерения ощущаемой стабильности (PSD) и витальности (V). Дано краткое описание измеряющих каждый фактор вопросов и статистические показатели надёжности (коэффициент альфа Кронбаха).

4.1. Ощущаемый сравнительный этнический потенциал

Фактор стабильности (PSD) строился по 20-ти вопросам, из которых десять вопросов оценивали ощущаемую силу внутренней группы респондента ($S_{\text{мы}}$), а другие десять — силу внешней группы ($S_{\text{они}}$). Вопросы о внутренней и внешней группе были сформулированы параллельно и задавались попеременно. Например, у русскоязычного информанта спрашивали: «Как высоко ценятся культура и традиции русскоязычного населения Эстонии в эстонском обществе?» «Как высоко ценятся культура и традиции эстонцев в эстонском обществе?» Эстонцу задавали те же вопросы, но в обратном порядке. Вопросы касались положения, уровня распространённости и будущих перспектив культуры, языка, СМИ и образования; численности и известности этнонациональной культурной и экономической элиты; а также численности и материального состояния данной группы населения в стране. В Латвии и Литве мы исследовали три этнические группы, поэтому в данном блоке было 30 вопросов (добавились ещё десять вопросов о второй внешней группе ($S_{\text{они2}}$)). К примеру, в опроснике для латгальских латышей одинаково сформулированные вопросы о потенциале группы касались попеременно самих латгальских латышей ($S_{\text{мы}}$), латышей ($S_{\text{они}}$) и русских ($S_{\text{они2}}$).

В нашем исследовании уровень надёжности почти всех групп вопросов был довольно высок — уровень альфы Кронбаха превышал 0,7 (она показывает, насколько высока корреляция между переменными, составляющими шкалу, т. е. измеряется коэффициент внутреннего постоянства, или внутренней однородности). Максимальное значение альфы равно 1, показатель внутренней однородности считается хорошим, если он больше 0,7⁴¹. Высокая внутренняя однородность вопросов позволяет вычислить, на основе вопросов одной группы, среднее значение, при помощи которого образуется маркирующая диапазон ответов шкала. Все теоретические переменные, взятые как основа исследования, предполагают работу со шкалой, поэтому внутренняя однородность была измерена у всех блоков

вопросов. Использование шкалы является и причиной того, что результат исследования не представлен по каждому вопросу в отдельности, а сначала описывает содержание блока вопросов по каждой переменной; для дальнейшего же сравнения берутся только данные обобщённой шкалы.

Альфы Кронбаха шкал ощущаемых этнических сил в общем довольно высоки. Из 22 шкал только в одной значение *альфы* является заметно сниженным (0,571). Эта шкала относится к оцениванию русскими Литвы потенциала литовцев. Низкую внутреннюю однородность показала и шкала оценивания латгальскими латышами потенциала группы русскоязычных (*альфа* 0,641). Ещё две шкалы были немного ниже 0,7 (оценка латышами русских — 0,679 и латгальских латышей — 0,683). В остальных 18 шкалах значения *альфы* были очень высокими (> 0,7).

Ни одно отклонение не было значительным, поэтому по всем вопросным блокам были высчитаны средние значения. Чтобы легче понять числовые показатели, они переведены из первоначальной шкалы (1 — очень сильный ... 7 — очень слабый) в стандартную шкалу (0 — очень слабый ... 1 — очень сильный). Следовательно, можно каждое такое выражение рассматривать как процент от абсолютной силы, равной 1. Их средние значения лежат в основе вычисления ощущаемого межэтнического потенциала. Он рассчитывается действием ($S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}$) и может колебаться в промежутке от -1 (очень слабый) ... + 1 (очень сильный). Если результат вычисления равен 0, то это означает, что группы ощущаются как равные между собой. Результаты ощущаемого потенциала внутренней и внешней группы (или внешних групп в случае с Латвией и Литвой) представлены в табл. 8.

Таблица 8

**Оценки силы потенциала этнических групп
(все различия существенны на уровне значимости 0,001)**

	Эстония		Латвия			Литва		
	Эстонцы	Русские	Латыши	Русские	Латгалы	Литовцы	Русские	Поляки
$S_{\text{мы}}$	0,72	0,45	0,66	0,51	0,44	0,74	0,49	0,50
$S_{\text{они}}$	0,49	0,74	0,55	0,70	0,72	0,54	0,78	0,79
$S_{\text{они}2}$			0,35	0,35	0,54	0,44	0,43	0,50

Анализируя результаты самооценивания этнических групп, можно отметить довольно высокие цифры у литовцев (0,74), от которых не отстают и эстонцы (0,72), а показатель латышей значительно ниже (0,66). Трудно точно определить, насколько такие самооценки отражают реальную ситуацию, т. е. насколько они обоснованы. Можно предположить, что латыши чувствуют себя слабее, имея для этого объективные причины, но нашей целью не является анализ объективности восприятия.

Исследования витальности раннего периода часто показывали отклонения общественного восприятия от независимого⁴², причём как в направлении переоценки собственной группы, так и её недооценки. Какими бы они ни были, такие мнения выражают господствующие в обществе отношения, таким образом оказывая влияние и на реальную витальность группы.

Далее рассмотрим оценки, данные внешней группе ($S_{\text{они}}$). В опросниках для титульных наций Балтии внешней группой является местные русскоязычные сообщества, а в опросниках для меньшинства — титульная группа. С точки зрения объективного беспристрастного оценивания можно предположить, что русскоязычные Латвии являются самой сильной группой, за ней следует русскоязычное сообщество Эстонии, и самой слабой можно считать русскоязычных Литвы. Если посмотреть на оценки, данные титульными народами, то мы увидим, что они отражают такое мнение лишь частично. Латыши видят свою русскоязычную общину настолько сильной, что результат получается самым высоким в Балтии (0,55), что можно считать довольно реалистичным. В то же время для эстонцев русскоязычная община поразительно слаба (0,49). Если предположить, что оценка эстонцев более или менее реалистична, то литовцы явно переоценивают мощность своей русскоязычной группы (0,54), ведь их восприятие практически совпадает с тем, как латыши видят русскую группу в Латвии. Реальнее можно было бы её оценить на равных с польской общиной Литвы, которую литовцы считают значительно более слабой (0,43).

Если рассмотреть те оценки, которые дают меньшинства титульным нациям, то все три русскоязычных сообщества оценивают их выше, чем самих себя: литовцев — как самую сильную группу (0,78), эстонцев несколько слабее (0,74), а латышей ещё более слабыми (0,70). Поляки оценивают силу литовцев

ещё более высоко (0,79), да и латгальские латыши оценивают латышей как более сильных (0,72) по сравнению с русскоязычными Латвии.

Более информативным действием, чем просто оценивание силы групп по отдельности, можно считать вычисление ощущаемого сравнительного этнического потенциала ($S_{мы} - S_{онн}$). Этот показатель выражает восприятие этнической группой своей коллективной силы и престижности (см. табл. 9).

Таблица 9

**Ощущаемый сравнительный этнический потенциал
(все различия статистически значимы на уровне 0,001)**

	Эстония		Латвия			Литва		
	Эстонцы	Русские	Латыши	Русские	Латгалы	Литовцы	Русские	Поляки
PSD	0,23	-0,29	0,10	-0,20	-0,29	0,19	-0,29	-0,29
PSD ₂			0,30	0,15	-0,10	0,30	0,07	0,00

Если проанализировать эти результаты, то первое, что бросается в глаза — восприятие эстонцами своей группы как намного более сильной по сравнению с русскими (0,23); литовцы немного отстают (0,19). Прежде всего это объяснимо тем, что они считают русскоязычных довольно сильной группой. Результат латышей является самым низким, приближаясь почти к нулю (0,10). Особенно оригинальным можно считать то, что все группы меньшинств, кроме русскоязычных Латвии, ощущают себя одинаково слабыми по сравнению с титульными народами (-0,29). Русскоязычные Латвии ощущают себя сравнительно более сильными (-0,20), что не является сюрпризом, учитывая тот факт, что это самая большая русскоязычная община в странах Балтии.

Нижняя строка табл. 9 показывает ощущаемый сравнительный этнический потенциал у меньшинств. Так, русскоязычные и поляки Литвы ощущают себя практически равными (0,07 и 0,00), а русские Латвии и латгальские латыши видят русских Латвии более сильной группой (0,15 и -0,10). Латыши ощущают себя настолько же более сильными по сравнению с

латгальскими латышами (0,30), как и литовцы себя по сравнению с поляками (0,30).

Несомненно, самый интересный результат — то, что эстонцы ощущают свой этнический потенциал как преобладающий в сравнении с потенциалом местных русскоязычных. В Литве картина иная из-за очень высоко оцениваемой литовцами силы русскоязычной группы. Чтобы понять, откуда берёт начало такое отношение, обратимся к анализу отдельных вопросов.

Оценка литовцами силы своего народа варьировалась по блоку вопросов в интервале от 0,96 («Много ли в Литве средств массовой информации на литовском языке?») до 0,58 («Растёт или уменьшается численность литовцев?»). Выяснилось, что литовцы оценили свою группу как сильную по языковому, культурному и экономическому показателю, но слабую с той точки зрения, насколько ценится литовская культура в Литве, насколько активны и сильны литовцы в обществе и насколько влиятельны, по сравнению с нынешним положением, будут литовский язык и культура в Литве через 20—30 лет.

Силу русских в Литве литовцы оценили по некоторым вопросам всё-таки довольно высоко. Самая высокая оценка была дана использованию русского языка в СМИ (0,65) и его значимости в литовском обществе (0,60); самой низкой оценили мощность русской общины в демографическом плане (0,43) и с перспективой на 20—30 лет (0,40).

Для сравнения следует упомянуть, что эстонцы оценили распространённость русскоязычных СМИ значительно ниже (0,51), а значимость русского языка в Эстонии особенно низкой (0,42). Латыши отметили распространённость русскоязычных СМИ как самую высокую (0,70), но значимость для них русского языка почти такая же низкая, как и для эстонцев (0,44). Таким образом, литовцы ощущают слабость собственного этнического потенциала из-за широкой, по их мнению, распространённости русскоязычных СМИ, а также высокой значимости русского языка в Литве. Этот результат отражает не столько силу литовской русскоязычной общины, сколько большую ориентированность Литвы в сторону России, по сравнению с Латвией и Эстонией. Частично такая «русская» ориентированность, по-видимому, обусловлена ещё и слабым (или отсутствующим) чувством опасности по отношению к русскому языку и местному русскоязычному сообществу.

4.2. Ощущаемый межэтнический диссонанс

Для измерения данного показателя был составлен опросник из 17 вопросов, из которых восемь измеряли легитимность межэтнических властных отношений, а девять — недоверие по отношению к внешней группе. Все вопросы использовали для ответов шкалу Ликерта (1 — согласен полностью; 2 — согласен; 3 — скорее согласен; 4 — скорее не согласен; 5 — не согласен; 6 — совсем не согласен). Валидность и адекватность вопросов проверили в ходе пилотного исследования с участием 159 студентов Таллинского университета. В результате выяснилось, что лишь четыре вопроса из восьми сгруппировались для выражения легитимности и только шесть вопросов из девяти адекватно отражали степень недоверия⁴³. На основе данных результатов опросник по межэтническому диссонансу был сокращен до десяти вопросов. Его использовали во всех трёх странах для измерения диссонанса между титульной нацией и местной русской общиной. В опросниках для поляков и латгальских латышей изменили вопросы о легитимности — так, чтобы они отразили самые актуальные аспекты проблемы справедливости властных отношений с точки зрения меньшинств.

В опросниках для титульных наций и русскоязычных вопросы, затрагивающие легитимность, концентрировались на статусе русского языка в стране и справедливости обращения с русским меньшинством. Например, в Эстонии вопросы были такие: «Следовало бы русскому языку в Эстонии быть вторым государственным языком?», «Отвечает ли положение russkogоворящей общины в Эстонии международным нормам?», «В отношении к русскоязычному населению следует ли эстонское государство европейским демократическим принципам?». В Латвии и Литве вопросы были такие же, менялись лишь названия страны. В польском опроснике в добавок к вопросу о польском как о возможном втором государственном языке в юго-восточной части Литвы был ещё один: «Должны ли Вильнюс и его окрестности стать Польской автономной областью?». В опроснике для латгальских латышей вместо вопроса о государственном языке задавался такой: «Следовало бы латгальному языку быть региональным языком в Латгальском регионе?». Были ещё и такие вопросы: «Должна ли Латвия обеспечить обучение на латгальском языке в Латгальском

регионе?» и «Должен ли Латгальский регион получить статус культурной автономии в Латвии?».

Вопросы, измеряющие недоверие, формулировались идентично во всех вариантах (по странам менялись лишь этнонимы и их соотношение). Четыре утверждения выражали позитивные свойства, например: «Эстонские русские отзывчивы по отношению к единоземельцам», «Эстонские русские надёжны», «Русскоговорящие жители Эстонии относятся к эстонцам хорошо», «Эстонские русские хотят сотрудничать с эстонцами». Два утверждения выражали негативные оценки, например: «Эстонские русские агрессивны», «Эстонские русские действуют под влиянием самых низменных инстинктов».

Тесты внутренней однородности показали, что во всех выборках вопросы, измеряющие недоверие, были с высоким показателем *альфы Кронбаха* — 0,72, а в половине случаев даже более 0,80. Однородность опросника легитимности колебалась в выборках больше, потому что использовались три разных варианта опросника. В исследованиях, касающихся Латвии и Эстонии, лишь в одной выборке значение *альфы Кронбаха* было ниже 0,7. Это была выборка эстонских русскоязычных, где *альфа* группы вопросов равнялась 0,665. В литовском же исследовании ни в одной выборке *альфа* опросника легитимности не превысила показателя 0,7. В трёх случаях она была выше 0,6, а для литовских русских — всего лишь 0,578. Это показывает, что в литовском контексте вопрос о русском языке как о возможном государственном не связан тесно с отношением к русскому меньшинству. Также это говорит о том, что проблемы статуса польского языка как возможного государственного и польской автономии в равной степени не связаны с легитимностью. Поэтому при последующем анализе к сравнительным данным по Литве следует относиться достаточно осторожно.

Сравнительные данные по легитимности и недоверию представлены в табл. 10. По Латвии и Литве у титульной народности даны два результата: первые две строчки выражают переменные в отношении к русскому меньшинству, а вторые две — ко второму меньшинству (соответственно, латгальским латышам и полякам).

При анализе результатов легитимности и недоверия выяснилось, что титульные нации балтийских стран ощущают ситуацию как вполне легитимную: самые высокие данные по легитимности у литовцев, особенно в отношении к польскому

меньшинству (4,83); самые низкие у латышей, особенно в отношении к латгалам (3,43). Такие результаты не удивляют, т. к. они отражают национально-государственный порядок, в том числе и отношение к правам меньшинств в странах Балтии со времени их формирования. Сравнительно низкий показатель по отношению к латгалам, судя по всему, определяет довольно благожелательное отношение респондентов-латышей к более широкому признанию и использованию латгальского языка, что, в свою очередь, находится даже в некотором противоречии с официальной языковой политикой Латвии, т. е. с её довольно жёстким отношением к повышению статуса латгальского языка.

Таблица 10

**Восприятие легитимности и недоверия
(1 — низкое ... 6 — высокое)**

	Эстония		Латвия			Литва		
	эстонцы	русские	латыши	русские	латгалы	литовцы	русские	поляки
Легитимность	4,78	2,78	4,43	2,31	3,36	4,80	3,77	3,90
Недоверие	3,06	3,16	3,29	3,37	2,74	2,76	2,60	3,00
Легитимность ₂			3,43			4,83		
Недоверие ₂			2,21			3,32		

По сравнению с титульными нациями оценки балтийскими меньшинствами легитимности межэтнических властных отношений в своих странах были ниже. Самым низким был результат у русских Латвии (2,31), а самым высоким — у меньшинств Литвы (у русских 3,77 и у поляков 3,9). Оценка же латгальских латышей (3,36) близка к нейтральной середине по шкале (3,5). Поэтому можно утверждать, что «малые» меньшинства (поляки, русские Литвы) ощущают межэтническую ситуацию в своей стране как легитимную или почти легитимную (латгальские латыши). Крупные русские меньшинства Эстонии и Латвии, наоборот, видят ситуацию как заметно более нелегитимную, в первую очередь из-за отношения к статусу русского языка в качестве официального.

При анализе показателей недоверия следует выделить тот факт, что во всех случаях они были ниже 3,5, что по шкале характеризует нейтральное отношение. Поэтому в каждом случае средний результат показывает доверительное отношение к членам внешней группы. Возможно, мы имеем дело с простым желанием выразить общепринятую позицию, однако результат может объясняться и тем, что среди людей разных национальностей вражда вовсе отсутствует, ведь такое поведение свойственно представителям балтийских стран. Похожее отношение было замечено и в многоязычных средах Трансильвании⁴⁴. Если и следует обратить внимание на какие-либо индикаторы недоверия, то на довольно высокие показатели литовцев по отношению к полякам (3,32), в сравнении с показателями поляков по отношению к литовцам (3,0). Также отметим и относительно высокие взаимные показатели недоверия в паре «русскоязычные Латвии — латыши» (3,37 и 3,29). Результаты ясно демонстрируют, что межэтническая ситуация в Латвии самая напряжённая в сравнении с её балтийскими соседями.

Таблица 11

**Показатели взаимного диссонанса
между этническими группами балтийских стран**

мы → они	D
русские → латыши	0,15
литовцы → поляки	0,14
эстонцы → русские	0,12
латыши → русские	0,10
литовцы → русские	0,07
русские → эстонцы	0,06
латгалы → латыши	-0,04
поляки → литовцы	-0,06
русские → литовцы	-0,09
латыши → латгалы	-0,09

Для того, чтобы обобщить показатели легитимности и недоверия в одном общем показателе — ощущаемый межэтнический диссонанс — оба показателя перенесли на шкалу из-

мерения 0 ... 1 и переформатировали её так, что нейтральное отношение (т. е. отсутствие негативных и позитивных чувств) объединилось с нулевым показателем по шкале⁴⁵. В результате таких трансформаций шкала диссонанса D простирается от -0,25, что выражает максимально позитивное отношение к группе «они», до +0,75 — максимально негативное отношение к внешней группе. Нулевой результат, как уже говорилось, выражает нейтральное отношение. В табл. 11 приведены все значения D по убыванию, начиная от самого высокого до самого низкого (стрелки показывают направление диссонанса между конкретными группами).

Как видно из табл. 11, межэтнический диссонанс ощущают в наивысшей степени русскоязычные Латвии к латышам, за ними следуют литовцы с их отношением к полякам. Учитывая малочисленность польского сообщества и его негативный диссонанс по отношению к литовцам (-0,06), этот показатель является несколько неожиданным и явно отражает чувствительность литовцев к проблемам своей территориальной целостности (в отношениях с Польшей). Сравнительно неожиданным можно считать низкий средний диссонанс русскоязычных Эстонии. Ожидаемый результат — позитивное отношение малых меньшинств к представителям большинства. В этом выражается так называемый фаворитизм внешней группы (*outgroup favouritism*⁴⁶), который обычно ассоциируют с желанием ассимилироваться. Позитивное отношение латышей как группы большинства к латгальским латышам, конечно же, доказывает их приверженность к большему признанию латгальского языка. В данном вопросе латышские информанты настроены по отношению к латгальским латышам намного более позитивно, чем это следует из официальной языковой политики Латвии.

4.3. Утилитаризм

Для оценивания утилитарности и традиционализма этнической группы был составлен опросник из 14 утверждений, из которых семь касались утилитаризма и семь — традиционализма. Структура опросника была инспирирована «портретным опросником ценностей» (*Portrait Values Questionnaire*)⁴⁷, в котором участников исследования просят отметить по шестибалльной шкале Ликерта, насколько они похожи на описанного че-

ловека (1 — очень на меня похож ... 6 — полностью отличен от меня). Среди утверждений, касающихся утилитаризма, были, например, такие: «Он открыт для всего нового», «Он считает, что традиционные ценности и стиль жизни не актуальны в современной быстрой жизни». Утверждения о традиционализме были примерно следующие: «Он считает важным передавать культуру своих предков», «Ему важно, чтобы его дети уважали традиции и обычай».

Чтобы апробировать опросник, провели два пилотных исследования среди студентов Таллинского университета. В пилотаже участвовало 154 студента, из которых 69% считали своим родным языком эstonский и 28% — русский. На основе результатов измерили надёжность и внутреннюю однородность структуры фактора. Обнаружилось, что утверждения группировались в две отдельные смысловые группы, как и было задумано при составлении опросника, но в то же время среди них не было значительной корреляции. Это означает, что утилитаризм и традиционализм не образуют две крайности одной шкалы. Скорее мы имеем дело с двумя отдельными шкалами, между которыми отсутствует связь. На основе результатов пилотажа из первоначального опросника были отобраны десять утверждений, из которых шесть измеряли утилитаризм и четыре — традиционализм.

Результаты основного исследования подтвердили внутреннюю однородность обоих опросников. Значения *альфы Кронбаха* для шкал традиционализма были во всех случаях 0,7 или выше; для шкалы утилитаризма — выше 0,7 для этнических групп Латвии и Эстонии. В литовском же исследовании они были несколько ниже: 0,573 у литовцев; у литовских русских 0,636 и у поляков — 0,639. Чтобы найти ответ на вопрос, почему же в Литве опросник показал низкую внутреннюю однородность, следует провести детальное качественное исследование. Правда, в исследовании в Литве значения *альфы* не были такими низкими, чтобы вычисление среднего значения потеряло смысл. Поэтому интерпретацию литовских результатов, особенно при сравнении с другими балтийскими странами, следует проводить осторожно.

Сравнительные средние показатели для групп вопросов об утилитаризме и традиционализме представлены в табл. 12. Шкала шестибалльная (1 ... 6), где 1 означает низший уровень утилитаризма или традиционализма, а 6 — наивысший.

Таблица 12

	Эстония		Латвия			Литва		
	эстонцы	русские	латыши	русские	латгалы	литовцы	русские	поляки
Утилитаризм	3,55	3,47	3,48	3,59	3,81	3,86	3,63	3,74
Традиционализм	4,58	4,26	4,20	3,99	4,53	4,71	4,35	4,45

Сравнение данных показывает, что крупные народы Эстонии и Латвии выражают сравнительно сбалансированный утилитаризм (среднее значение близко к нейтральному пункту 3,5), а латгальские латыши и этнические группы Литвы проявляют явную тенденцию к утилитаризму. На основе этих результатов можно предположить, что эмиграция жителей Литвы в страны Западной Европы в поисках лучшей жизни может быть более оживлённой, чем из Эстонии или Латвии. Это и подтверждают статистические данные: после вступления в Европейский Союз из Литвы уехали 400 тыс. человек, что составляет 12% населения, а в Эстонии этот показатель равняется лишь 1%⁴⁸ (примерно столько же в Латвии⁴⁹). В то же время литовцев характеризует и самый высокий уровень традиционализма среди балтийских народов. Это может служить своеобразной компенсацией высокого утилитаризма, позволяя литовцам сохранять свою культурную идентичность — несмотря на то, что исходя из pragматических мотивов они ослабляют свои связи с культурной средой. Отметим также, что уровень традиционализма среди всех балтийских народов существенно выше нейтрального значения шкалы в 3,5. Самым низким этот показатель является в случае русских Латвии (3,99).

Относительно высокие значения по шкале традиционализма и малые различия между показателями исследуемых групп означают, что значения индекса U , отражающего склонность к ассимиляции и языковому сдвигу, относительно малы и доминирует тенденция к сохранению культуры и языка. Как было объяснено в части 2.2, индекс U выражает интервал между утилитаризмом и традиционализмом и вычисляется следующим образом: $U = (Ut - Tr) + 1$. Это означает, что в случае максимального традиционализма и абсолютного отсутствия утилитаризма $U = 0$; при равенстве этих двух групп ценностей $U = 1$ и в

случае максимального утилитаризма и абсолютного отсутствия традиционализма $U = 2$. В табл. 13 приведены все значения индекса U в порядке убывания, начиная с самого «утилитарного» и заканчивая самым «традиционным».

Таблица 13

Показатели индекса U этнических групп Балтийских стран

Этническая группа	U
русские Латвии	0,92
русские Литвы	0,86
поляки Литвы	0,86
латгальские латыши	0,86
латыши	0,85
русские Эстонии	0,84
литовцы	0,83
эстонцы	0,79

Сравнение показателей индекса U ясно показывает, что все народы балтийских стран тяготеют к традиционализму (значения индекса U ниже 1,0). Самый высокий показатель у русских Латвии и самый низкий у эстонцев. В то же время удивляет то, что общая вариативность в индексе U в случае разных этнических групп крайне низка — всего 6% в диапазоне шкалы, причём для большинства групп значения индекса U практически одинаковы. Интересно также, что стандартные отклонения индекса U оставались во всех случаях в промежутке от 0,23 до 0,29. Это означает, что внутренняя вариативность индекса U у этнических групп значительно выше, чем разница между ними. Отсюда, во всех группах есть подгруппы, которые значительно утилитарнее или традиционнее остальных. Однако анализ этих особенностей выходит за рамки данной статьи.

4.4. Межэтническая дистанция

Переменная этой дистанции R делится на два компонента: R_1 выражает удалённость участника исследования от обеих групп по использованию языка, а R_2 — оценку респондентом своей культурной дистанции по отношению к обеим группам.

Для измерения дистанции использования языка R_1 из опросника сети языковых контактов⁵⁰ было взято десять вопросов, касающихся использования языка в семье, с друзьями и коллегами; с чиновниками и обслуживающим персоналом; в сфере масс-медиа и культуры. Например: «На каком языке Вы общаетесь со своими друзьями/знакомыми?». Варианты ответов были даны по семибальной шкале Ликерта: 1 — только на языке у; 2 — в основном на языке у; 3 — больше на языке у, чем на языке х; 4 — одинаково на языке у и на языке х; 5 — больше на языке х, чем на языке у; 6 — в основном на языке х; 7 — только на языке х. Был добавлен и вариант 8: «на других языках». Причём под языком у был представлен тот язык, к этнической группе которого отвечающий себя относил, а под языком х — язык внешней группы (группы «они»). В эстонском опроснике была только одна шкала (эстено-русская или русско-эстонская, в зависимости от национальности); в опросниках по Латвии и Литве каждому отвечающему следовало отметить свою языковую дистанцию по обеим шкалам, потому что участвовавших в исследовании групп было три (латыши, русские, латгальские латыши; литовцы, русские, поляки). Во всех случаях внутренняя однородность шкал была очень высокая (значения всех альф Кронбаха были выше 0,7).

Для измерения культурной дистанции R_2 были проанализированы существующие модели⁵¹ и составлен блок из десяти вопросов, касавшихся восприятия межкультурных различий — в кулинарных предпочтениях, стилях одежды, религиозных убеждениях, менталитете и традициях общения. Вопросы этого блока были, например, такие: «Насколько отличными кажутся Вам эстонцы по своей натуре по сравнению с Вами?», «Насколько отличными кажутся Вам эстонцы по своим религиозным убеждениям по сравнению с Вашими религиозными убеждениями?», «Насколько легко Вам, по Вашему мнению, общаться с эстонцем по работе/учёбе?». Варианты ответов были проанализированы по семибальной шкале Ликерта, которая представляет выбор от максимальной затрат удённости в общении (1) до минимальной (7). Внутренняя однородность этого опросника была очень высокая: в большинстве случаев альфа Кронбаха была выше 0,8; только в четырёх случаях альфа была ниже 0,8, но всё-таки выше 0,75.

Высокая внутренняя однородность обоих компонентов R позволила вычислить индексы R_1 и R_2 и индекс R как их

арифметическое среднее. Для получения лучшего обзора все переменные были переведены на шкалу 0 (минимальная дистанция) ... 1 (максимальная дистанция). Результаты представлены в табл. 14. Её первые две строчки показывают дистанцию с титульными нациями, а также дистанцию последних с русскими общинами соответствующих стран. Две последних строчки показывают дистанцию между меньшинствами или дистанцию между титульнойнацией и вторым меньшинством страны (латгальскими латышами в Латвии и поляками в Литве).

Таблица 14

Межэтническая дистанция у балтийских народов

	Эстония		Латвия			Литва		
	эстонцы	русские	латыши	русские	латгалы	литовцы	русские	поляки
R_1	0,86	0,81	0,77	0,75	0,38	0,89	0,61	0,41
R_2	0,50	0,48	0,51	0,49	0,31	0,42	0,38	0,32
R_{1b}			0,96	0,98	0,93	0,98	0,99	0,40
R_{2b}			0,40	0,49	0,47	0,44	0,42	0,37

Если анализировать R_1 , или результаты пользования языком в случае титульных наций, то выясняется, что самая большая дистанция с латальскими латышами и поляками — большинство представителей титульных наций (соответственно, латыши и литовцы) совсем не используют их языки в повседневной жизни (значения R_1 равны 0,96 и 0,98). Русский язык латыши, эстонцы и литовцы используют значительно больше: латыши чаще остальных ($R_1 = 0,77$), а литовцы реже ($R_1 = 0,89$). В случае русских сообществ проявились интересные различия: русские Литвы пользуются литовским относительно широко ($R_1 = 0,66$), от них немного отстают в использовании латышского русскоязычные Латвии, и реже всего прибегают к государственному языку русскоязычные Эстонии ($R_1 = 0,81$). Эти показатели прекрасно иллюстрируют изолированность русскоязычного сообщества Ида-Вирумаа, в то время как русскоязычные Латвии кажутся более связанными с латышами по языковому признаку.

Нельзя не учитывать то обстоятельство, что представленные результаты отражают оценку, данную участниками исследования своему языковому поведению, а не объективно изме-

ренное реальное пользование языком. Судя по значениям R_1 , больше всего ассимилированы по языковому признаку латгальские латыши и поляки в Литве, чей результат показывает, что во множестве ситуаций они пользуются языком большинства чаще, чем своим родным (значение 0,5 отвечает равному использованию обоих языков, меньшее его значение указывает на языковую ассимиляцию). Если посмотреть на языковые практики, принятые между меньшинствами, то латгальские латыши и русские не пользуются языком друг друга, поляки же ассимилированы в направлении русского языка даже немного больше, чем литовского.

По сравнению с языковой дистанцией, культурная дистанция между народами балтийских стран заметно меньше: она равна 0,5 или даже ниже. Интересно отметить, что результаты Латвии и Эстонии (близкие к 0,5) всё-таки значительно выше показателей для Литвы (близких к 0,4). Очевидно, здесь отражается более сложный характер межэтнических отношений в Эстонии и Латвии, который и заставляет отвечающих чувствовать различия сильнее. Сравнительно остро чувствуют свою отличие от латышей и латгальские латыши, что, вероятно, важно для отделения собственной идентичности от идентичности латышей. Как ни удивительно, и литовцы остро ощущают разницу с поляками (0,44), хотя из-за религиозной близости более ожидаемым было бы ощущение меньшей дистанции с поляками, по сравнению с русскими. Снова результаты подверглись влиянию межэтнического диссонанса, который у литовцев в отношении поляков сильнее, чем в отношении русских. Но поляки Литвы считают себя очень близкими к литовцам по культуре (0,32) — ближе, чем к russkим (0,37). Итак, получается, что идентичность польского сообщества Литвы и её динамика несколько усложнены: эта группа сравнительно сильно погружена как в литовское, так и в русское языковое пространство, ощущает себя очень схожей с литовцами, в то время как литовцы явно желают дистанцироваться от этой ассимилированной группы.

Для учета как языковой, так и культурной дистанции между группами были рассчитаны значения R — как среднее арифметическое $R1$ и $R2$. В табл. 15 приведены дистанции между всеми группами, причём направление стрелок показывает, в отношении к какой группе представлено значение R . Как и раньше, максимальную дистанцию выражает значение 1,0, минимальную — 0.

Таблица 15

**Ощущаемая межэтническая дистанция
между этническими группами Балтии**

мы → они	R
русские → латгальские латыши	0,74
литовцы → поляки	0,71
русские → поляки	0,70
латгальские латыши → русские	0,70
эстонцы → русские	0,68
латыши → латгальские латыши	0,68
литовцы → русские	0,65
латыши → русские	0,64
русские → эстонцы	0,64
русские → латыши	0,62
русские → литовцы	0,49
поляки → русские	0,38
поляки → литовцы	0,37
латгальские латыши → латыши	0,34

В качестве краткого вывода из данных табл. 15 можно заметить, что в отношении к малым меньшинствам (латгальские латыши, поляки) остальные группы ощущают большую дистанцию, а те, напротив, ощущают близость к большинству, т. е. желают разделить языковую и культурную идентичность большинства. В случае поляков, похоже, то же самое происходит и в отношении русских языка и идентичности. Самое большое ощущение взаимной дистанции между основнойнацией и русскими наблюдается в Эстонии, что говорит об относительной социальной обособленности этих групп. Латышское и русское сообщества Латвии ощущают друг друга относительно близкими, что указывает на более сильную интеграцию russkikh, чем в Эстонии. В Литве ситуация литовцев и russkikh асимметрична и похожа на модель малых меньшинств — титульная нация ощущает большую дистанцию, чем меньшинство. В то же время асимметрия не такая большая: это означает, что литовцы

ощущают русских довольно схожими с собой. Такая ситуация увеличивает вероятную ассимиляцию меньшинства.

4.5. Витальность

Витальность национальных групп рассчитывалась при помощи формул (1) и (2):

$$(1) \quad V = U \cdot ((S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}) + D) / R$$

$$(2) \quad V = R \cdot ((S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}) + D) / U$$

Формулу (1) использовали в случае, когда значение PSD ($S_{\text{мы}} - S_{\text{они}}$) было меньше 0. Это было свойственно членам групп меньшинства, но не всегда и не безусловно. Формулу (2) использовали в том случае, когда значение PSD равнялось нулю или превышало его. Такой результат был характерен для членов групп большинства.

Из-за математических свойств формулы негативная и позитивная половина шкалы не являются симметричными по числовым значениям, хотя оценочно можно различить те же степени. Степени шкалы с их описанием представлены в табл. 16.

Таблица 16

Степени шкалы витальности

	Значения V	Описание
Высокая витальность	> 1,5	Экстремальный этноцентризм
	0,6 ... 1,5	Сильный этноцентризм
	0,3 ... 0,6	Средний этноцентризм
	0,1 ... 0,3	Слабый этноцентризм
	0 ... 0,1	Стабильная витальность
Низкая витальность	0 ... -0,1	
	-0,1 ... -0,2	Находится под слабой угрозой
	-0,2 ... -0,3	Находится под средней угрозой
	-0,3 ... -0,4	Находится под сильной угрозой
	< -0,4	В чрезвычайной опасности

Следует учитывать, что значения V очень тесно связаны с этноцентризмом — чем выше витальность (V), тем с более этноцентричным этносом мы имеем дело. В случае же очень низкого значения V центр коллективной идентичности членов группы сдвигается со своей этнической группы на группу большинства, что по существу означает смену идентичности и

ассимиляцию. В некотором смысле шкалу витальности можно считать шкалой измерения этноцентризма, где отрицательные значения указывают на отрицательный этноцентризм. В случае отрицательного этноцентризма члены группы стремятся идентифицировать себя не со своей нацией, а с другой, являющейся по сравнению с ней более сильной. Несомненно, что с точки зрения сохранения группы этноцентризм важен, хотя высокий этноцентризм сопровождается, как правило, и рядом нежелательных побочных явлений.

Табл. 17 представляет средние значения витальности (V) всех народов балтийских стран, а также значения переменных, положенных в основу её вычисления (при вычислении к значению R прибавили 1,0, в противном случае формула бы не работала, но в табл. 17 для большей ясности шкала R представлена в промежутке 0 ... 1.

Таблица 17

Витальность этнических групп Балтийских стран

Этническая группа	V	PSD	D	U	R
литовцы — поляки	0,91	0,3	0,14	0,83	0,71
эстонцы — русские	0,87	0,23	0,12	0,79	0,68
литовцы — русские	0,65	0,19	0,07	0,83	0,65
латыши — русские	0,55	0,10	0,10	0,85	0,64
латыши — латгалы	0,42	0,30	-0,09	0,85	0,69
русские — латыши	0,06	-0,20	0,15	0,92	0,62
русские — эстонцы	-0,08	-0,29	0,06	0,84	0,64
латгальские латыши — латыши	-0,20	-0,29	-0,04	0,86	0,34
русские — литовцы	-0,22	-0,29	-0,09	0,86	0,49
поляки — литовцы	-0,24	-0,29	-0,06	0,86	0,37

Приведённые в табл. 17 значения V следует интерпретировать, опираясь на шкалу, представленную в табл. 16. В центре шкалы нулевой пункт, который отделяет группы с низкой витальностью (V ниже нуля) от обладающих высокой витально-

стью (**V** выше нуля). Важно и то, что значение **V** выражает витальность только на оси двух измеренных групп. Поэтому при интерпретации значения **V** следует всегда учитывать контекст, в котором оно вычислено.

Исходя из этого, можно утверждать, что из балтийских этнических групп самыми этноцентричными являются литовцы по отношению к полякам и эстонцы по отношению к русским. Степень их этноцентризма можно охарактеризовать как сильную. Такая позиция выражает сравнительно жёсткую границу между своей нацией и соответствующим меньшинством, явное чувство своего превосходства с низким интересом и симпатией.

В этом контексте интересно отметить, что этноцентризм литовцев по отношению к русским значительно ниже, как и этноцентризм латышей относительно русских Латвии. Такая позиция обнаруживает несколько большую готовность общаться и сотрудничать с соответствующим меньшинством. Ещё более низким оказался этноцентризм латышей по отношению к латгальским латышам, что, впрочем, вполне объяснимо — их просто воспринимают как часть своей группы (т. е. как латышей). Низкий этноцентризм указывает на готовность признать право латгальских латышей на собственный вариант языка и автохтонную культуру.

Судя по результатам исследования, русские общины Латвии и Эстонии находятся в стабильном положении. Как меньшинства, к ассимиляции они не стремятся. Однако это не относится к латгальским латышам, а также полякам и русским Литвы. Соответствующие значения указывают на степень средней угрозы для их витальности, т. е. на ясно ощущимое желание принадлежать к группе большинства в своей стране. К сожалению, это зависит не только от них, но и от витальности членов группы большинства (см. табл. 18) или, точнее её этноцентризма, т. к. эти процессы не только внутригрупповые, но и межгрупповые. Интерпретация результатов исследования и сделанные на их основе выводы о возможных путях развития межэтнических процессов на территории Балтии представлены ниже.

5. Интерпретация результатов

С точки зрения данной концептуальной модели витальность — установочная готовность членов этнической группы к

коллективным действиям. Речь не идёт о реальной политической активности, только о готовности к социальной мобилизации. Одним словом, модель исходит из предположения, что чем выше витальность, тем легче группе мобилизоваться, а чем витальность ниже, тем больше её члены предпочитают дистанцироваться от группы с её коллективной идентичностью. Итак, витальность как установочная готовность является по своей природе социально-психологическим явлением, основанным на разделяемых членами группы представлениях об её силе, характере межэтнических отношений в обществе и доминирующей системе ценностей.

В то же время витальность, как представление о межэтнических отношениях, влияет непосредственно и на сами отношения, т. е. на объективную реальность. Это означает, что учитывая последнюю и витальность этнических групп, можно прогнозировать ситуацию в сфере межэтнических отношений. Естественно, витальность как установочное явление по своей природе динамична, а значительные изменения в витальности могут заметно изменить межэтнические процессы.

Поскольку представления о реальности формируются по большей части в результате коммуникации, они совсем не обязательно отражают реальность объективно. Из-за этого свойства витальность группы может быть значительно выше или ниже, чем можно было бы предположить на основе объективного анализа межэтнической ситуации. Краткое описание «мощности» балтийских этнических групп с объективных позиций был представлен в части 2.1, обзор разделяемых членами групп представлений о ситуации — в части 4. Далее остановимся на выявленных исследованием самых значительных отклонениях между объективной и ощущаемой реальностью, а также на их возможных последствиях. Затем рассмотрим более детально возможное влияние витальности на межэтнические процессы.

5.1. Витальность и объективная реальность

Если смотреть объективно, то ситуации в Латвии и Эстонии относительно схожи: в обоих обществах есть довольно многочисленное русское меньшинство, в Эстонии — 30%, в Латвии — 44% от всего населения. В Литве преобладает титульная нация, тогда как доля русского меньшинства всего 5% и

польского 8%. Если бы витальность отражала реальность объективно, то значения **V** были бы в тесной корреляции с весом групп меньшинства в обществе. Однако результаты, представленные в предыдущей части, отличаются от такого прогноза по многим важным пунктам.

Например, литовцы ощущают довольно высокий диссонанс по отношению к полякам, который намного превышает реальную опасность этой группы для общества в целом; дистанция между поляками и литовцами также ощущается последними как довольно большая. Учитывая то, что польское сообщество Литвы по культуре и религии схоже с литовцами, то такое высокое значение **D**, конечно же, больше, чем можно было бы ожидать. По-видимому, на этот результат влияет историческое противостояние Литвы и Польши.

Высокая витальность эстонцев и их этноцентризм по отношению к russkим также непропорционально высоки. Учитывая то, что russкие составляют 30% населения Эстонии, можно было ожидать результата, более близкого витальности латышей по отношению к russким. Но он более схож с отношением литовцев к полякам. Здесь ясно вырисовывается историческая параллель, которая может быть вообще наиважнейшим фактором влияния. Хотя russких в Эстонии в разы больше, чем поляков в Литве, ощущаемый эстонцами межэтнический баланс выглядит примерно так же, как у литовцев по отношению к местным полякам. Частично такое восприятие эстонцев может быть обусловлено отделением russкоязычного сообщества в Ида-Вирумаа и общей экономической отсталостью этого региона.

Одно из важнейших отклонений проявляется и в витальности литовцев по отношению к местным russким. Обнаружилось, что литовцы ощущают своё превалирование над russкоязычными в меньшей степени, чем над поляками; отметим также, что эта степень ниже, чем соответствующий показатель эстонцев по отношению к russким. Это существенное отклонение, в котором надо разобраться. По-видимому, причина в том, что в опроснике многие вопросы касаются russкого языка и культуры в целом, а не связаны с самими общинами russких. Литовцы отмечают значительную роль russкого языка в СМИ и культуре, но они ориентируются при этом прежде всего на СМИ и культуру России, но не на местные образцы. Таким образом, результаты не отражают не столько положение russких в Литве, сколько более общие установки по от-

ношению к russскому языку, культуре и russкоязычным СМИ. В литовских результатах отражена и общая близость литовцев к russким прежде всего из-за низкого диссонанса (**D**) и небольшой межэтнической дистанции (**R**). В комбинированном виде такие установки напрямую влияют на устойчивость литовской russкоязычной общины (на этой теме мы остановимся ниже более подробно).

Восприятие своей витальности и её компонентов латышами можно считать самым объективным. Результаты показывают относительное равенство латышской и russкой общин, немного более высокий диссонанс, чем в других странах Балтии, и относительно большую межэтническую близость. Объективной кажется и витальность латышей по отношению к латгальским латышам, которая вытекает из ощущимого превосходства из-за численности группы, но с позитивным отношением к меньшинству. Такие установки двояко влияют на устойчивость латгальских латышей (см. ниже).

Оценки витальности russкоязычных Латвии также соразмерны с объективной реальностью. Значение **V** позитивно, что указывает на стабильность латвийской russкой общины и на отчётливо ощущаемый этноцентризм. Оценки витальности эстонских russкоязычных значительно более низкие, прежде всего при сравнении сил эстонской и russкой общин. Эстонские russкие воспринимают себя примерно такими же слабыми, как и латгальские латши, поляки и литовские russкие, что в сравнении с объективной реальностью является несомненной недооценкой.

В ощущениях эстонцев и russких реальность существенно искажена, что создаёт впечатление о значительном превосходстве эстонцев и маргинализации russкой общины. У литовцев обострено чувство дистанции и диссонанса по отношению к полякам, что у местных поляков отсутствует. Тем самым мы имеем дело с асимметричным восприятием, в котором, по-видимому, отражаются установки литовцев по отношению к Польше. В то же время литовцы переоценивают витальность russких, и тут заметно влияние сравнительно нейтрального отношения к России.

Влияние упомянутых выше отклонений на межэтнические процессы кажется крайне вероятным, но его направление не во всех случаях одинаково, а зависит от конкретного контекста.

5.2. Влияние витальности на межэтнические процессы

Хотя витальность и выражает готовность этнической группы к коллективным действиям, происходящие в реальности процессы зависят не только от представлений, разделемых членами группы, но и от установок других групп общества, их отношения к тем же переменным. Другими словами, реальные процессы зависят от витальности обеих групп и лежащих в их основе факторов.

Например, группа большинства, которая ощущает себя намного сильнее меньшинства, видит ситуацию вполне легитимной, с чем меньшинство не склонно соглашаться (высокие PSD и D). Большинство готово ассимилировать меньшинство в том случае, когда оно ощущает последнее схожим с собой (низкое R) и, по его установкам, утилитарным и прагматичным (высокое U). Тогда большинство уверено в своей власти и в то же время достаточно открыто, чтобы без проблем принять ассимилирующихся членов меньшинства.

Если обладающая такой же властью группа большинства воспринимает себя отличной от меньшинства по культурным признакам (высокая R) и одновременно очень традиционной (низкая U), то такое большинство влияет на меньшинство сегрегирующее, потому что оно не готово принять ассимилирующихся членов меньшинства. Так как значение витальности V тем выше, чем больше R и ниже U, то группы большинства с высоким значением V более сегрегирующие, чем группы большинства со средним и малым значением V.

Если группа большинства ощущает себя лишь немногого сильнее меньшинства и её диссонанс по отношению к меньшинству невелик (маленькие значения PSD и D), то такая группа не оказывает на меньшинство ассимилирующего давления. В зависимости от значений R и U такая ситуация способствует или интеграции меньшинства (низкая R и высокая U), или его отделению (высокая R и низкая U). Интеграция произойдёт в том случае, когда группы схожи по культурным и ценностным представлениям, и если большинство открыто для культурных изменений, которые интеграция может принести с собой. Если разница в потенциалах групп мала, то ассимиляция меньшинства не сопровождается более тесными межгрупповыми контактами, и оно сохраняет свои культурные особенности. Если группа большинства ощущает большую межэтническую дис-

танцию и в то же время традиционна (высокая R и низкая U), то вполне вероятно, что она не желает смешиваться с сильным меньшинством и потому отдаёт предпочтение отделению последнего в автономию или самостоятельную страну.

В случае меньшинства влияние значения V в целом аналогично — чем большую витальность имеет меньшинство, тем вероятнее оно будет стремиться к сохранению своей культурной и языковой самобытности или к достижению автономии. В случае низкого значения V очень многое зависит от показателей R и U: если культурные различия большие и уровень традиционализма высок (как у некоторых общин иммигрантов, проживающих в Европе, но имеющих исламское происхождение), то процесс ассимиляции будет сложным и даже маловероятным.

Такие свойства витальности и её компонентов позволяют использовать значение V для оценивания проходящих в обществе процессов аккультурации и ассимиляции. Далее мы берём за основу модель аккультуративных процессов Дж. Берри⁵². Она различает пять типов аккультурации: интеграция, сегрегация, сепарация (отделение), маргинализация и ассимиляция. В табл. 18 эти процессы определены через функции значений V групп большинства и меньшинства.

Таблица 18

Процессы аккультурации как функция витальности групп большинства и меньшинства

		Большинство	
		V > 0	V ≈ 0
меньшинство	V ≈ 0	сегрегация	интеграция или отделение
	V < 0	маргинализация	ассимиляция

Табл. 18 показывает, что высокое V большинства ведёт к сегрегации или маргинализации меньшинства, в зависимости от того, близко ли значение V меньшинства к нулю или значительно ниже его. Сравнительно низкое значение V для большинства указывает на возможное отделение меньшинства, интеграцию двух групп или же ассимиляцию меньшинства, в зависимости от того, насколько высоко или мало значение V у меньшинства.

Интерпретируя показатели витальности этнических групп балтийских стран (см. табл. 17) в заданных рамках (см. табл. 18), можно сделать несколько выводов о проходящих там межэтнических процессах. Опираясь на значения **V** у эстонцев и эстонских русских, можно уверенно сказать, что преобладающая в обществе тенденция — это сегрегация, которая вероятнее всего и продолжится, если только в значениях **V** не произойдёт значительных сдвигов. Связь литовской и польской общин указывает на маргинализацию поляков, в то время как значения **V** у литовской и русской общин — на ассимиляцию русских.

Показатели **V** у латышей и русских ближе всего к комбинации, предсказывающей интеграцию или отделение. Очень вероятно, что результат выхода из такой комбинации зависит от того, повысится или снизится значение **D**. В первом случае этнические границы станут более прочными, а возможное сотрудничество может сойти на нет, что, учитывая сопоставимую мощность обеих групп, может привести к увеличению прав русской общины в Латвии или даже к её автономии. Судьба же латгалльских латышей скорее всего — ассимиляция или, в лучшем случае, интеграция, если им удастся сохранить уровень традиционализма и свою отличительность от остальных латышей достаточно высокими.

Если представленные оценки в общих чертах адекватны и правдоподобны, то они вполне могут помочь понять природу различий между межэтническими ситуациями, сложившимися в последние десятилетия в странах Балтии, а также подтвердить значимость витальности как важной переменной, влияющей на ситуацию.

Учитывая то, что русские общины в Эстонии и Латвии относительно большие, можно предположить, что в обоих государствах отношения между большинством и меньшинством должны были бы быть схожими. Однако новейшая история показала, что русское сообщество Латвии ведёт себя намного активнее при отстаивании своих прав. Это различие можно объяснить довольно низкой витальностью эстонских русских. Такая низкая витальность отражает мощность русской общины Эстонии не совсем объективно, ведь скорее её можно сравнить с представлениями литовских русских или поляков. На основе полученных данных мы не можем дать однозначный ответ на вопрос, почему же витальность русскоязычных Эстонии настолько мала; для этого нужно провести основательный анализ

качественных данных. В то же время довольно вероятно, что это и есть тот важный фактор, из-за которого эстонское русское сообщество не было (и скорее всего уже не будет) готово к коллективным действиям.

Довольно же низкая витальность литовцев по отношению к местной русской общине вполне объясняет их готовность принять её членов в свои ряды. Это и есть та причина, почему русские Литвы столь быстро ассимилируются, тогда как обострённые межэтнические границы с поляками не позволяют последним ассимилироваться (при этом не давая теме легитимности положения поляков в Литве выйти из числа злободневных на протяжении всего постсоветского периода).

На основе вышесказанного можно предположить, что при условии малых изменений в значениях витальности в ближайшем будущем, сценарий развития межэтнических отношений в трёх странах Балтии будет следующим. В Эстонии продолжится сегрегация русской общины; в Латвии хоть и проявляется некоторая готовность русских к интеграции, в случае усиления напряжённости может победить стремление русской общины к достижению какой-либо автономии; для русскоязычной общины Литвы ассимиляция кажется решением, удовлетворяющим как её саму, так и представителей титульной нации. У латгалльских латышей есть возможность исправить свой статус, если им удастся поднять свою витальность и потребовать больше прав. Поляки Литвы останутся маргинализированными, если им не удастся полностью отречься от своей идентичности в угоду литовцам.

Заключение

Как и любая теория,ложенная в основу данного исследования модель витальности основывается на некоторых важных условиях, необходимых для её практического использования. Среди них: а) измеренные установки отражают готовность к коллективным действиям; б) эта готовность влияет на ассимиляцию группы или её сохранение; в) витальность выражается при помощи функции переменных PSD, D, R и U; и г) взаимная связь упомянутых факторов именно такая, как и было описано в формуле витальности. Итак, представленную нами интерпретацию данных можно

считать правильной только тогда, когда все необходимые для использования теории данные правдивы. В то же время связь между условиями теории и результатами исследования взаимна — насколько результаты совпадают с реальностью, а динамика реальных процессов совпадает с предсказанной, настолько результаты позволяют укреплять, уточнять или изменять положения теории.

Результаты данного исследования отражают идущие в обществах Балтии межэтнические процессы в общих чертах так, как они представлены в более ранних многочисленных работах. Однако мы добавили к уже известным многие более детализированные сравнительные данные. Дальнейшие качественные исследования должны будут помочь осмыслению этих деталей, что, при необходимости, может привести и к уточнению модели. Последующее применение рассмотренной модели при исследованиях иных межэтнических ситуаций поможет проверить её на универсальность.

Работа выполнена при поддержке Эстонского фонда науки (Project ETF7350, «Ethnolinguistic Vitality and Identity Construction: Estonia in the Baltic Background»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Giles H., Bourhis R.Y. & Taylor D.M. Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations // *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*. Ed. by H. Giles. L., Academic Press, 1977. P. 307.

² Отметим, что в данной работе не рассматривается витальность народности выру (выро), потому что её измеряли при помощи отличной от положенной в основу данного исследования методики (см.: Ehala M., Niglas K. Empirical Evaluation of a Mathematical Model of Ethnolinguistic Vitality: the Case of Võro // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2007. Vol. 28. № 6.

³ Ehala M. The Role of MTE in Language Maintenance and Developing Multiple Identities // *European Identities in Mother Tongue Education*. Ed. by S. Kiefer & K. Sallamaa. Linz, Trauner Verlag, 2005; Ehala M. An Evaluation Matrix for Ethno-Linguistic Vitality // Rights, Promotion and Integration Issues for Minority Languages in Europe. Ed. by S. Pertot, T. Priestly & C. Williams. Palgrave Macmillan Ltd. 2009; Ehala M. Ethnolinguistic Vitality and Intergroup Processes // *Multilingua*. 2010. Vol. 29. № 2; Ehala M. Refining the Notion of Ethnolinguistic Vitality // *International Journal of Multilingualism*. 2010. First published on: 03 March 2010 (iFirst).

⁴ Tajfel H. & Turner J. C. An Integrative Theory of Inter-Group Conflict // *The Social Psychology of Inter-Group Relations*. Ed. by W.G. Austin & S. Worchsel. Monterey, CA, Brooks-Cole, 1979.

⁵ Tajfel H. Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Inter-Group Relations. L., Academic Press, 1978. P. 63.

⁶ Hirschman A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1970; Tajfel H. The Exit of Social Mobility and the Voice of Social Change: Notes on the Social Psychology of Inter-Group Relations // *Social Science Information*. 1975. Vol. 14; Ellemers N., Wilke H. & van Knippenberg A. Effects of the Legitimacy of Low Group or Individual Status on Individual and Collective Status-Enhancement Strategies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 64.

⁷ Tajfel H. & Turner J. C. The Social Identity Theory of Inter-Group Behavior // *The Psychology of Inter-Group Relations*. Ed. by S. Worchel & W.G. Austin. Chicago, Nelson-Hall, 1986; Scott J. Domination and the Arts of Resistance. New Haven, CT, Yale University Press, 1990; Spears R., Jetten J. & Doosje B. The (II) Legitimacy of Ingroup Bias: From Social Reality to Social Resistance // *The Psychology of Legitimacy: Emerging Perspectives on Ideology, Justice, and Inter-Group Relations*. Ed. by J.T. Jost & B. Major. N. Y., Cambridge University Press, 2001.

⁸ Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations...

⁹ Bourhis R. Y., Giles H. & Rosenthal D. Notes on Construction of a «Subjective Vitality Questionnaire» for Ethnolinguistic Groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1981. Vol. 2. № 2; Abrams J.R., Barker V. & Giles H. An Examination of the Validity of the Subjective Vitality Questionnaire // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2009. Vol. 30. № 1.

¹⁰ Yagmur K. Does Ethnolinguistic Vitality Theory Account for the Actual Vitality of Ethnic Groups? A Critical Evaluation // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2011. Vol. 32. № 2.

¹¹ Ehala M. The Role of MTE in Language Maintenance and Developing Multiple Identities... Ehala M. Ethnolinguistic Vitality and Inter-Group Processes...

¹² Ehala M. An Evaluation Matrix for Ethno-Linguistic Vitality // Rights, Promotion and Integration Issues for Minority Languages in Europe...; Ehala M. Refining the Notion of Ethnolinguistic Vitality...

¹³ Bourhis R. Y., Giles H. & Rosenthal D. Notes on Construction of a «Subjective Vitality Questionnaire» for Ethnolinguistic Groups...

¹⁴ Tajfel H. & Turner J. C. An Integrative Theory of Inter-Group Conflict...

¹⁵ Laitin D. D. Nations, States, and Violence. Oxford, Oxford University Press, 2007.

¹⁶ Ehala M., Zabrodskaja A. Interethnic Discordance and Stability in Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2011. Vol. 42. № 2.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ehala M. Connecting the Individual Cultural Level Value Analysis: The Case of Utilitarianism vs. Traditionalism // *Journal of Human Values*. 2009. Vol. 15. № 2.

²⁰ Li D. C. S. Between English and Esperanto: What Does it Take to be a World Language? // *International Journal of Sociology of Language*. 2004. Vol. 164.

²¹ Tajfel H. & Turner J. C. An Integrative Theory of Inter-Group Conflict...

- ²² Ehala M. Etnolingvistiline jätkusuutlikkus ja seda mõjutavad tegurid // Teadusmõte Eestis (V) Humanitaareeadused. Ed. by J. Ross & A. Krikmann. Tallinn, Eesti Teaduste Akadeemia, 2009.
- ²³ Ariste P. Keelekontaktid. Eesti keele kontakte teiste keeltega. [Языковые контакты. Контакты эстонского языка с другими языками]. Tallinn, Valgus, 1981. P. 33—34.
- ²⁴ По результатам переписей населения.
- ²⁵ Данные взяты из следующих источников: Joma D., & Meržs I. Ethno-Demographic Characteristics of the Population of Latvia // Break-out of Latvian. Ed. by D. Joma & A. Veisbergs. Riga, Zinatne. 2008; Marten H.F., Šuplinska I. & S. Lazdiņa. Latgalian: The Latgalian Language in Education in Latvia. Leeuwarden, Mercator, 2009.
- ²⁶ Данные по Литве взяты из Википедии и обзорного издания: Hogan-Brun G., Ozolins U., Ramoniene M. & Rannut M. Language Politics and Practices in the Baltic States. Tallinn, Tallinn University Press, 2009.
- ²⁷ См., напр.: Ajzen I. & Fishbein, M. The Influence of Attitudes on Behavior // The Handbook of Attitudes. Ed. by D. Albarracín, B.T. Johnson & M.P. Zanna. Mahwah, New Jersey, Lawrence Erlbaum, 2005.
- ²⁸ См.: Carrett P., Coupland N. & Williams, A. Investigating Language Attitudes. Social Meanings of Dialect, Ethnicity and Performance. Cardiff, University of Wales Press, 2003.
- ²⁹ Bourhis R. Y., Giles H. & Rosenthal D. Notes on Construction of a «Subjective Vitality Questionnaire» for Ethnolinguistic Groups... Abrams J. R., Barker V. & Giles H. An Examination of the Validity of the Subjective Vitality Questionnaire...
- ³⁰ Bourhis R. Y., Giles H. & Rosenthal D. Notes on Construction of... Landry R., Allard R. & Henry J. French in South Louisiana: Towards Language Loss // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1996. Vol. 17. P. 442—468.
- ³¹ Более детальное описание составления и тестирования данного опросника см. в: Zabrodskaja A. Diminishing Intergroup Discordance Through Cross-Cultural Communication Courses // Journal of Linguistic and Intercultural Education (JOLIE). 2009. Vol. 2. № 1. См. также: <http://www.uab.ro/cercetare/ciel/jolie/>; Ehala M., Zabrodskaja A. Interethnic Discordance and Stability in Estonia...
- ³² Более подробно с методикой формулирования и проверки вопросов можно ознакомиться в статьях: Ehala M. Connecting the Individual Cultural Level Value Analysis: The Case of Utilitarianism vs. Traditionalism... Ehala M. Cultural Values Predicting Acculturation Orientations: Operationalizing a Quantitative Measure // Journal of Language, Identity and Education. Forthcoming.
- ³³ Вопросы были взяты из исследования: Landry R., Allard R. & Henry J. French in South Louisiana: Towards Language Loss...
- ³⁴ В основу опросника лёг значительно дополненный и изменённый опросник из исследования: Babiker I. E., Cox J. L. & Miller P. The Measurement of Cultural Distance and its Relationship to Medical Consultations, Symptomatology, and Examination Performance of Overseas Students at Edinburgh University // Social Psychiatry. 1980. Vol. 15. P. 109—116.
- ³⁵ Laitin D. D. Identity in Formation: The Russian Speaking Populations in the Near-Abroad. Cornell University Press, 1998; Vihalemm T. Formation of Collective Identity Among Russophone Population of Estonia. Tartu, Tartu University

- Press, 1999; Vihalemm T. The Strategies of Identity Re-construction in Post-Soviet Estonia // Pro Ethnologia. 2005. P. 59—84; Vihalemm T. & Masso A. Identity Dynamics of Russian-Speakers of Estonia in the Transition Period // Journal of Baltic Studies. 2003. P. 92—116.
- ³⁶ См. Druviete I. Sociolinguistic Situation and Language Policy in the Baltic States. Riga, Latvijas Universitete, 2000; Galbreath D. J. Nation-Building and Minority Politics in Post-Socialist States: Interests, Influences and Identities in Estonia and Latvia. Stuttgart, Ibidem-Verlag, 2005.
- ³⁷ См., напр.: Aaralaid-Tarm A., Белобровцева И. О (не)возможности русско-эстонского диалога в условиях культурной травмы Эстонии // На перекрестье культур: русские в Балтийском регионе. Под ред. А. П. Клемешева. Калининград, 2004.
- ³⁸ Lauritsin M. & Heidmets M. The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia. Tartu, Tartu University Press, 2002; Karklins R. Theories of National Integration and Developments in Latvia // Integrācija un etnopoliтика. Ed. by E. Vēbers. Riga, Latvijas Universitātes Filosofijas un socioloģijas institūts, 2000; Hogan-Brun G. The Baltic Republics and Language Ideological Debates Surrounding European Union Accession // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2005. P. 367—377.
- ³⁹ Rose R. New Baltic Barometer IV: A Survey Study. Glasgow, University of Strathclyde, 2000; Värik R. Conflict Prevention in the Baltic States: the OSCE High Commissioner on National Minorities in Estonia, Latvia and Lithuania // Journal of Baltic Studies. 2002. P. 456—459; Laitin D. Three Models of Integration and the Estonian/Russian Reality // Journal of Baltic Studies. 2003. Vol. 34. № 2. Hogan-Brun G. The Baltic Republics and Language Ideological Debates...
- ⁴⁰ Ehala M. The Role of MTE in Language Maintenance and Developing Multiple Identities...
- ⁴¹ Cronbach L. J. Test Validation // Educational Measurement. Ed. by R.L. Thorndike. Washington D. C., American Council on Education, 1971.
- ⁴² См.: Harwood J., Giles H. & Bourhis, R. Y. The Genesis of Vitality Theory: Historical Patterns and Discoursal Dimensions // International Journal of the Sociology of Language. 1994. Vol. 108. P. 167—206.
- ⁴³ См.: Zabrodskaja A. Diminishing Intergroup Discordance through Cross-Cultural Communication Courses...
- ⁴⁴ Brubaker R., Feischmidt M., Fox J. E. & Grancea L. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. Princeton, Princeton University Press, 2006.
- ⁴⁵ Более подробно с методикой можно ознакомиться в: Ehala M. & Zabrodskaja A. Interethnic Discordance and Stability in Estonia...
- ⁴⁶ См.: Sachdev I., & Bourhis R. Y. Power and Status Differentials in Minority and Majority Group Relations // European Journal of Social Psychology. 1991. Vol. 21; Jost J. T., Banaji M. R. & Nosek B. A. A Decade of System Justification Theory: Accumulated Evidence of Conscious and Unconscious Bolstering of the Status Quo // Political Psychology. 2004. Vol. 25. № 6; Batalha L., Akrami N. & Ekehammar B. Outgroup Favoritism: The Role of Power Perception, Gender, and Conservatism // Current Research in Social Psychology. 2007. Vol. 13. № 4.
- ⁴⁷ Schwartz S. H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M. & Owens V. Extending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a

- Different Method of Measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. № 5.
- ⁴⁸ *Vistesen C., Markkenen A.* Migration Flows and Long Term Economic Capacity and Sustainability: The Baltic Case. Credit Writedowns. 2010. См.: <http://www.creditwritedowns.com/2010/06/migration-flows-and-economic-sustainability-in-the-baltics.html>.
- ⁴⁹ *Rumpīte D.* Due to the Long-Term Migration Latvia's Population Reduced by 4700 Persons in 2009. The Baltic Course, 2010. См.: <http://www.baltic-course.com/eng/analytics/?doc=26287>.
- ⁵⁰ *Landry, R., Allard, R. & Henry, J.* French in South Louisiana: Towards Language Loss...
- ⁵¹ *Babiker I. E., Cox J. L. & Miller P.* The Measurement of Cultural Distance and its Relationship to Medical Consultations, Symptomatology, and Examination Performance of Overseas Students at Edinburgh University... *Fukurawa T.* Cultural Distance and its Relationship to Psychological Adjustment of International Exchange Students // *Psychiatry and Clinical Neuroscience*. 1997. Vol. 51. P. 87—91. *Chirkov V.I., Lynch M. & Niwa S.* Application of the Scenario Questionnaire of Horizontal and Vertical Individualism and Collectivism to the Assessment of Cultural Distance and Cultural Fit // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 4. P. 469—490; *Shenkar O.* Cultural Distance Revisited: Towards a More Rigorous Conceptualization and Measurement of Cultural Differences // *Journal of International Business Studies*. 2001. Vol. 32. P. 519—535.
- ⁵² *Berry J. W.* Immigration, Acculturation and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. Vol. 46. P. 5—34.

РУССКИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТВЕ: ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Елена Бразаускене, Алла Лихачёва

Общие сведения

В сегодняшней Литве выделяются три основные этнические группы: литовцы (84%), поляки (6%), русские (4,8%), причём доля русского населения в стране стабильно уменьшается: ещё в 1989 г. их было 9,4%, а в 2001 г. — 6,3% (см. табл. 1)¹.

Несмотря на то, что абсолютное количество этнических литовцев сокращается, их доля в общей численности населения Литвы растёт за счёт уменьшения количества представителей других национальностей, особенно русских². Однако нельзя утверждать, что причиной сокращения численности русских является только эмиграция. Последние десятилетия в Литве были отмечены разнонаправленными социальными процессами: с одной стороны, восстановление независимости в 1990 г. сопровождалось естественным всплеском враждебности, обид и разногласий между титульным населением и представителями меньшинств; с другой стороны, вхождение Литвы в Евросоюз в 2004 г. должно было стимулировать формирование единой социальной идентичности жителей страны. Третьим фактором, влияющим на идентификационные процессы в Литве, можно назвать фактор ассимиляции, по крайней мере — формальный. Уже перепись населения 2001 г. и дальнейшие демографические замеры показывают, что официальная статистика не в состоянии достоверно ответить на вопрос о том, какое количество представителей нетитульных национальностей проживает в Литве, поскольку по косвенным данным можно заключить, что некоторая часть нелитовского населения называет себя литовцами по месту рождения или проживания, как это принято в англоязычных странах.

Доктор Елена Бразаускене, заведующая кафедрой русской филологии Вильнюсского Университета (Литва); доктор Алла Лихачёва, доцент Вильнюсского университета.

- ¹⁷ *Петров В.Н., Донцова М.В., Нгуен Тханх Хоай. Особенности социальной адаптации трудовых мигрантов из Вьетнама...* С. 149.
- ¹⁸ Данные по Москве получены автором на основе интервью с вьетнамскими мигрантами, а также взяты из работы И.О. Тюриной «Мигранты из Вьетнама на московском рынке: социальные характеристики и проблемы адаптации».
- ¹⁹ Тюрина И.О. Мигранты из Вьетнама на московском рынке... С. 280.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 281.
- ²² Канал VTV-4 является государственным и ведёт вещание на четырёх языках: вьетнамском, английском, французском и русском.
- ²³ *Петров В.Н., Донцова М.В., Нгуен Тханх Хоай. Особенности социальной адаптации трудовых мигрантов из Вьетнама...* С. 148.
- ²⁴ По свидетельству вьетнамских информантов, ещё несколько лет назад услуги русских нянь обходились им в 300 долл. в месяц, но сейчас они намного дороже.

SUMMARIES

The Ethnolinguistic Vitality Amongst Ethnic Groups in the Baltics

Martin Ehala, Anastassia Zabrodskaja

The higher the ethno-linguistic vitality, the better the chances for the maintenance of a group over time, and the weaker the vitality, the more likely it is to cease to exist through assimilation. The main focus of our paper is on the dynamics of the ethno-linguistic vitality of the biggest ethnic groups living in Estonia, Latvia, and Lithuania. An analysis of ethno-linguistic vitality properties shows that inter-ethnic relations in the three Baltic countries could be described as follows. Estonians, Latvians and Lithuanians have quite stable ethno-linguistic vitality. In Estonia, the segregation of the Russian community is likely to continue. Latvian Russians have the highest vitality amongst the Russian-speaking communities in the Baltic countries which may lead to demands of higher status and more rights. For Russian-speaking community of Lithuania, assimilation seems to be a solution satisfying both Russians themselves and representatives of a titular nation. Latgalian Latvians might have an opportunity to improve their status, if they could raise their vitality. Lithuanian Poles could remain marginalized, unless they would renounce completely their own identity in favour of Lithuanian one. In general, the results of this study reflect inter-ethnic processes in the Baltic societies as they were represented in previously conducted numerous studies but they also add some new comparative details.

Russians in Contemporary Lithuania: Linguistic Practices and Self-Identification

Elena Brazauskiene, Alla Likhachiova

The paper summarizes a part of the quantitative and qualitative surveys of the project «Language Use and Ethnic Identity in Lithuanian Cities» carried out in 2007—2009 in the three major cities of Lithuania – Vilnius, Kaunas and Klaipėda.

Russians as an ethnic minority group is gradually decreasing as compared to the late Soviet period and made up 4,8% of the population of Lithuania in the beginning of 2010. The reason for this is not only the scale of emigration, but assimilation with titular nation as well. About a third of our respondents would not mind being called Lithuanians. The results of the study suggest that ethnic Russians in Lithuanian cities have a specific affiliation with Lithuania: seven from ten Russian townspeople were born in this country. We can see from the in-depth interviews that they do not repudiate their actual Russian ethnicity, but consider themselves not to be «very typical» representatives of their nation. Although Lithuanian increasingly becomes the second mother tongue to the younger generation of Lithuanian Russians, they highly value

ДИАСПОРЫ
независимый научный журнал

№ 1

2011

Научный редактор номера
Н. П. Космарская

Учредители: *В. И. Дятлов, И. А. Мадий, В. Ю. Рабинович*
Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 30 июля 1999 г.
Регистрационный номер 019027
Адрес редакции: 119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон/факс: (495) 637-34-38; e-mail: natalis_press@mail.ru

Подписано в печать 22.07.11
Формат 60×901/16. Объем 16 п. л. Тираж 500 экз.
Печать офсетная. Цена договорная

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Заказ № 880

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

- РОССИЙСКИЕ ЕВРЕИ: КРИЗИС ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ?
- ДИАСПОРЫ И ЭТНИЧНОСТЬ

FORTHCOMING ISSUES: THE MAINSTREAMS

- RUSSIAN JEWS: CRISIS OR REVIVAL?
- DIASPORAS AND ETHNICITY

I N D E P E N D E N T A C A D E M I C J O U R N A L

DIASPORAS